

Олег И. Жабин

**Эсхит.
Нерыцарский
Роман**

Олег И. Жабин

**Эсхит. Нерыцарский
роман. Роман без злодея**

«Издательские решения»

Жабин О.

Эсхит. Нерыцарский роман. Роман без злодея / О. Жабин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904696-3

В книге рассказывается о приключениях рыцарей и их оруженосцев и не только. Роман без злодея. Нет ни одного персонажа, который являлся бы однозначно отрицательным, нет никого, кто бы олицетворял или воплощал зло. Никто не делает и не желает зла, но тем не менее зло, то ли от сложившихся обстоятельств, то ли неизбежности свершений заложенных предначертаний судьбы, появляется и множится. Возможно, это даже не зло, а обычное течение жизни, в которой любовь и смерть подразумеваются как данность.

ISBN 978-5-44-904696-3

© Жабин О.
© Издательские решения

Эсхит. Нерыцарский роман

Роман без злодея

Олег И. Жабин

© Олег И. Жабин, 2018

ISBN 978-5-4490-4696-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

В глубокой древности, когда люди жили в основном чувствами и воспринимали действительность как неизвестно кем придуманную и непонятно из чего возникшую данность, которую невозможно постигать обычным умом, настолько она казалось необъяснимой и чудесной, но которую можно ощущать, полностью вживаясь в неё и, срастаясь, слиться с ней всем своим существом, считая себя маленькой частицей чего-то огромного и неделимого, была одна небольшая, очень благополучная и богатая страна. Ничего, кроме покоя и тихой размеренной жизни не знали обитатели той страны. Её правитель отличался справедливостью к своим подданным, почитавшим его за отца и благодетеля, он прославился великой мудростью в делах своего государства и в отношениях с другими правителями. Но был у монарха соправитель — младший брат — незаметный, тихий и невзрачный, — который, не имея никакой действительной власти, бессловесным спутником постоянно находился при государе. Брат не выделялся ничем — ни дельными советами, ни воинской доблестью, ни мастерством в каком-либо роде искусства, он даже не отметился ни любвеобильностью или чревоугодием. Словом, младший брат известен был только тем, что сидел с отсутствующим видом на приёмах по левую руку от старшего брата и молчал, словно у него вырвали язык. Но, как вода незаметно и настойчиво шлифует камни на дне реки, так зависть чёрную копил и лелеял этот скромный и, казалось бы, бесхарактерный человек. Он втайне, никому не признаваясь, ненавидел своего царствующего брата и жаждал только одного: как-то избавиться от него и самому усесться на освободившемся троне, став единоличным правителем страны. И в тоже время, обессилев душой от многолетнего ожидания, завистник понимал, что ждёт напрасно, ведь даже убив родного брата, он никогда не сможет взойти на престол, ибо многочисленной толпой вельмож окружён любимый отцом сын и молодой наследник, и после возможной смерти законного правителя трон займёт именно он.

Но час, проклятый, изменника настал: напал на страну страшный, беспощадный враг — властитель южных земель, обуреваемый желанием подчинить своей воле весь мир. Огромную армию, набранную из собственных воинов и вояк разных покорённых стран, привёл он с собой, они были крайне безжалостны и беспредельно жестоки к тем, кто посягнул противостоять захватчикам. И младший брат правителя сразу же переметнулся к врагу, выдав все тайны, рассказав о сильных и слабых сторонах местной армии и её полководцах. Все жители страны встали на защиту своей земли, они, не сомневаясь, единой силой пошли за своим государем, казалось, ничто не может их сломить, пока любимый правитель ведёт их за собой. И в решающем сражении, когда вражеское войско, превосходящее во много раз количеством воином, никак не могло одолеть небольшую армию защитников маленькой страны, младший брат, закрыв лицо маской, вероломно поражает старшего брата в спину. Исход битвы, таким образом, был решён...

Огонь, страдания, разруху, рабство принесло чужое нашествие, огромной данью обложил завоёванную страну чужеземный властитель, а своим наместником, который следил бы

за исполнением его воли, он поставил бесчестного предателя. Несчастный и жалкий, он, обрадованный такой милостью, стал править, совершенно забыв о совести и добре, помня только выгоду своего грозного хозяина и свою мелкую – это как перепадёт – корысть. И он был доволен хотя бы таким подобием власти...

Но спасая, остался в живых законный преемник – единственный, любимый сын вероломно убитого отца: знатный темник в тайне от всемогущего властителя прятал беглеца в далёком и чужом краю. Там, находясь в бесправном положении безымянного гостя, юноша, ощущал себя забытым и потерянным, он оставил всякую надежду на перемену своей участи и погибал в одиночестве от бездонного уныния и беспредельной тоски, давно утратив веру в то, что, правда и закон существуют в действительности. Он знал лишь одно: подлость, вероломство, предательство, насилие только и существуют как устои и основы отношений между людьми и народами.

...Однажды в глухую полночь, когда молчат дикие звери и не каркают даже вороны, пришёл в дом, стоявший в гуще предгорного леса, где хоронился наследник, седой ведун – невообразимо старый, с изрытым миллионами морщинами лицом и удивительно ясными, как у ребёнка, глазами. «Скажи юнец, – спросил старец, – ты жаждешь отомстить убийце и вернуть своё, законное право? Так слушай: оставь бесплодное томление, отринь мнительность и сомнения, перестань бояться за жизнь, всё равно ты живёшь так, будто тебя нет. Поднимись с места и иди – иди, неся в себе боль, преодолевая неимоверную усталость души и желание скорой смерти, тогда твоё сознание прояснится. Внутри тебя родится новый, подлинный человек, и переменчивый рок покорится твоей воле. Забудь, что есть бег времени, для тебя больше не существуют года, века, тысячелетия, теперь ты воин вечности. Только от тебя одного, от твоего упорного желания действовать зависит, станешь ли ты тем, кем должен быть. За предельным краем земли, высятся недостижимые Призрачные Горы, которые невозможно увидеть и до них нельзя никак добраться, ибо они не существуют, а только возникают как видение тому, кто верит в то, что они есть. Поверь, и видение непременно воплотится, станет осязаемым, и Горы откроются перед тобой. Там, на словно срезанной гигантским топором, плоской вершине самой высокой горы стоит вырубленный из камня огромный неподъёмный сундук, на дне которого покоятся много веков, ожидая хозяина, Великий Меч Победы и Ключ Любви. Поезжай туда, взойди на гору, сорви тяжёлую крышку с сундука и заberi Меч и Ключ – Меч вложи в ножны, а Ключ повесь на шею и никогда с ними не расставайся, ведь пока они одновременно находятся у тебя, пока ты единственный их владелец, ты бессмертен. Тот Меч и не меч вовсе, а некая Сила, принявшая вид меча, создающая вокруг тебя невидимый защитный кокон, от которого будут отлетать и возвращаться к тем, кто их пустил вражеские стрелы, ломаться пополам, чтобы остриём вонзиться в своих хозяев копыя, то же будет с топорами, мечами, вообще с любым оружием, направленное против тебя. А это значит, что ты никогда не узнаешь горечи поражения, ты всегда, во всех схватках окажешься победителем, даже если целая армия выйдет против одного тебя...»

Послушался юноша старика, внял его словам и свято поверил в то, что сумеет отыскать Призрачные Горы и добыть Меч Победы и Ключ Любви. И он, пройдя весь свет, достигнув его предела, миновав край земли, попав туда, где ничего нет и не может быть, нашёл, то, что обязательно, в чём он непоколебимо был уверен, найдёт. Счастливым, ощущая тяжесть Меча в ножнах и приятную прохладу Ключа на груди, с надеждой на скорое восстановление справедливости, он вернулся в родную страну, уже видя себя её освободителем и законным правителем. Но узнать её он оказался не в силах: чужие люди, другие одежды, едва понятный язык, иные обычаи и нравы. И вспомнил воин: «...забудь бег времени, для тебя больше нет годов, веков, тысячелетий, теперь ты рыцарь вечности...». Он понял, что миновало невероятно много лет, столько, что и десятки человеческих жизней не смогут вместить, и на его мучительные

вопросы бессмысленно искать ответы: то, что для него сегодняшняя действительность, для остальных далёкое прошлое, о котором все давно забыли.

...И пошёл странствовать по миру, полный грусти и тоски, одинокий воин. Всюду, где он сталкивался со злом, насилием и беспорядком устанавливал порядок, основанный на честных отношениях между людьми, когда все равны и одинаковы и никто не смеет нарушать закон и поворачивать его в выгодную для себя сторону, опираясь на свою единоличную волю. Воин вступал в сражения с одиночными противниками, с маленькими отрядами и огромными армиями, и никто не мог его победить – сила, заложенная в Мече Победы, не позволяла ему познать, что такое поражение в бою. За тысячу лет Бессмертный Воин, прозванный Рыцарем Счастья, обошёл всю землю, везде установив царствие добра и покоя, человек теперь не убивал человека, сосед не шёл на соседа, а народ не воевал с другим народом. Человечество почти забыло, что когда-то были тираны, насильники и захватчики, каждая страна жила в пределах своих границ и не посягала на чужую. Войны ушли в предания и в детские сказки, оружие перестало изготавливаться, а старое пришлось переделать за ненадобностью в орудия труда. Люди стали жить очень долго и умирали только своей смертью...

1 КНИГА.

КЛЮЧ.

1 часть.

I глава.

Жан Франсис Планси граф Деблак и его сын Этьен направлялись на Большой Рыцарский Турнир, который устраивал в богатом Турском королевстве король Тредд III. Для молодого человека это был первый турнир в жизни в качестве рыцаря, до этого он присутствовал на турнирах только как оруженосец и лишь однажды.

Граф Деблак и Этьен Планси принимали участие в штурме замка Дробз, где укрывался мятежный герцог Рошфид, посягнувший на верховную власть короля. Недолгий штурм завершился успешно: крепость, осаждённую одновременно со всех сторон, взяли, а несостоявшийся узурпатор, закованный в тяжёлые цепи, отправлен на справедливый королевский суд. Этьен в качестве оруженосца своего отца и господина отличился в бою: юноша, войдя среди первых на высокие, зубчатые стены, яростно, как настоящий воин, не помня страха смерти, бился с врагами, и те отступали, не выдерживая его непреодолимого натиска.

Когда битва окончилась, молодой человек, будучи участником настоящего сражения, прошёл обряд посвящения в рыцари и теперь готовился к своему первому в жизни выступлению на грандиозном турнире, где должен был собраться весь цвет рыцарства, и где будут присутствовать прекрасные дамы, внимательно, с живым интересом наблюдая, как бьются в жестоких поединках сильные мужчины.

«В бою легче – думал Этьен – там против тебя враг, там твоя ярость и боль за убитых товарищей утраивают силы. Там никто не смотрит на тебя, там нет внимательных, не сводящих с тебя глаз зрителей, нет насмешливых взоров молодых красавиц. В бою ты среди подобных себе, там каждый равен каждому, и если противник окажется сильнее и выбьет тебя из седла или, пробив тяжёлые доспехи, поразит острым мечом, никто не станет смеяться, наоборот помогут, если тебе тяжело справляться одному, поддержат, когда ты упал и не в силах подняться сам и спасут, если ты серьёзно раненый, истекая кровью, уже готов расстаться с жизнью. И никто не посмеет презирать тебя, только не будь трусом, дерись честно и до самого конца, и тогда объявят тебя героем – живой ты или мёртвый. А на турнире, лишь одно падение, одна ошибка – и ты всеобщее посмешище. На турнире нет смертельной опасности, есть только опасность громкого, дружного смеха и как итог – слава неудачника».

Всадники подъезжали к большой поляне, где многочисленные гости и участники турнира, прибывшие раньше, уже успели раскинуть свои бесконечно пёстрые шатры, на которых ни рисунок, ни сочетание цветов не совпадало ни на одном, у каждого рыцаря были свои цвета флага и герба.

Граф Деблак приказал слугам поставить на свободном месте и свой шатёр. Этьен впервые увидел такое необозримое количество разных гербов. Он захотел побродить по лагерю, внимательно всё осмотреть и разузнать, что за рыцари здесь собрались и кому принадлежит какой герб. Но отец ему запретил, сухо сказав, что благородному воину не подобает празднично шататься без дела и любопытствовать по-пустому, словно неотёсанный простолюдин или глупая женщина. И стоило только мягким, будто полупрозрачный шёлк, сумеркам бесшумно опуститься на поляну, как отец приказал сыну лечь спать пораньше, чтобы завтра встать вместе с солнцем, так как турнир открывался поединками молодых рыцарей, едва прошедших обряд посвящения.

II глава.

...Проснулся Этьен, разбуженный громким звуком сигнальных труб, возвещавших о наступлении рассвета, очень рано. Он живо завершил утренний туалет и при помощи проворных слуг начал облачаться в новенькие, сияющие чистым гладким металлом доспехи. И ровно через час он выехал на своём молодом, но уже любимом коне на церемонию представления Его Величеству королю Тредду III.

Этьен стоял в ряду таких же, как он малоопытных бойцов, все молчали, только один всадник в ярком красно-жёлто-лазоревом плаще, на котором клетки трёх цветов были расставлены в определённом порядке, понятный лишь посвящённым в секреты геральдики, как-то небрежно произнёс негромко:

— — Скучноват сегодня Его Величество: мы молодые ему не так интересны, как старые проверенные зубы...

— — Александр Лоэтинг, — - выкрикнул глашатай, и всадник, только что обсуждавший настроение короля, к нему и направился.

Все необходимые предписанные этикетом церемониальные действия тот, кого звали Александр Лоэтинг, произвёл легко, красиво и с беспредельным изяществом. Всё, что требовалось, он делал быстро и точно, без малейших запинок, но проглядывалась в его движениях какая-то едва уловимая нарочитость, не слишком ясно выраженная, но заметная внимательному наблюдателю, проявлялась некоторая особенная подчёркнутость жестов на грани тонкого издевательства. И то же время, по сути, ни к чему невозможно было особо придраться.

Когда подошла очередь Этьена — - а его имя, благодаря громкому голосищу герольда услышали все, даже те, кто находился на самом краю поляны — - он, сдерживая сильное внутреннее волнение, но с внешне строгим благородством предстал перед королём. Тот, сбросив некоторое оцепенение, возникшее в ходе лицезрения однообразного действия, оживился и радостно улыбнулся юноше, который был сыном одного из самых влиятельных баронов королевства. Этьена это сильно приободрило, его дурацкое волнение почти всё пропало, и он прошёл всю церемонию строго, серьёзно и без ошибок.

И как только ритуал представления новообращённых рыцарей закончился, настало время ожидания вызова на поединки. Нетерпеливому Этьену казалось, что это мгновение никогда не наступит, что о нём — - Этьене Планси — - забыли, его имя как-то выпало из общего списка или же его преднамеренно не вызывают, видя с каким благоприятным расположением воспринял король появление молодого рыцаря, и чтобы не огорчать Его Величество возможным поражением новоявленного любимца, его просто не будут ставить на поединок. Этьен понимал, что такие нелепые мысли основаны лишь на его собственной фантазии, но почему-то они виделись ему всё более верными и правильными, ведь его, как ему представлялось, так невыносимо

долго не вызывали, потому что он присутствует словно бы не здесь или вообще в восприятии других он никто, и для всех остальных, находящихся тут, он выставлялся явно как последнее ничтожество. И услышав протяжные звуки голоса глашатая: «На честный рыцарский поединок приглашаются Этьен Планси и Александр Лоэтинг!» Этьен на миг подумал, что неправильно понял, и что было произнесено на самом деле не его имя, а оно возникло лишь у него в воображении, и зовут кого-то другого. Но юный рыцарь быстро внутренне собрался, моментально сообразив, что нет никакого другого, есть только он, и сейчас пришло его время, и он должен сейчас, в данный миг оказаться тем, что он из себя представляет. И Этьен, подтянув узду своей воли до предела, выехал вперёд и стал наизготовку – на противоположном крае площадки, приняв боевую позу замер, тот самый молодой воин в пёстром клетчатом плаще.

Этьену подали тяжёлое копьё и, быстро найдя точку равновесия, он опустил его перед собой, выражая этим полную готовность к схватке. Раздался условный сигнал, и, прищипнув застоявшихся коней, всадники начали разгоняться и сближаться друг другом. Этьен был уверен в себе как никогда, он чувствовал, что его тело с каждым следующим скачком коня наполняется новой силой и ещё большей мощью, а из колотящегося сердца бегут последние отголоски сомнений. Но его противник, вросший крепким монолитом в седло, казалось, олицетворял собой образец рыцарской доблести, он, словно огромный осколок скалы, сорвавшийся в пропасть, летел навстречу, и было видно, что он настроен только на победу.

...В момент столкновения Александр Лоэтинг оказался точнее: он ударил затупленным наконечником копья в правый бок прямо под щит противника, из-за чего Этьен с металлическим грохотом слетел с коня и тяжело, будто рухнувшая башня, повалился на истоптанную в песок землю. Поединок он проиграл. И теперь лежал навзничь на тёплой под лучами полуденного солнца земле, чувствуя тупую и бездарно-давящую боль в правой стороне немевшего тела. Больше он ничего не чувствовал...

Этьен не позволил себе потерять сознание, слуги помогли ему подняться, они, подставив плечи, быстро увели его с места схватки, он лишь успел увидеть, как победитель в поединке бодро подъехал к королевской чете и получил свою причитающуюся долю монаршей благосклонности.

Этьена ввели в шатёр и торопливо, но без суеты сняли с него помятые и поэтому немного потускневшие доспехи, мешавшие свободно дышать. Появился отец с серьёзным и суровым лицом, он сказал негромко:

– — Не думал я, что твой первый поединок на турнире станет последним.

Сын молчал: от горькой, словно прогорклое масло, попавшее ненароком в горло, обиды и саднящей, будто свежая ссадина, досады он не мог говорить.

– — Хорошо, – - примирительно сказал отец, – - это лишь начало, пусть первый опыт вышел неудачным, но он опыт, и тем и ценен, а в дальнейшем его уроки тебе пригодятся. Отдыхай и размышляй о том, что ждут тебя новые битвы, готовься к ним сейчас, чтобы потом стать в них победителем, необходимо, прежде всего, быть готовым к победе внутренне. Если ты точно знаешь, как выиграть бой, то ты уже внутри себя, умом и душой будешь уверен, что победишь, а значит, ты победишь, то есть, выиграешь бой ещё до того, как стал на бой.

Граф вышел, а Этьен остался лежать один, до него доносился отдалённый шум турнира. Он слышал, протяжные звуки труб герольдов и сигналы к началу поединков, приглушённый топот коней и гулкие удары копий о броню, скрежет скрестившихся мечей и изумлённо-радостные вскрикивания зрителей, чёткие голоса глашатаев, объявлявших победителей и громкие фанфары в их честь. Всё обратилось в тягость Этьену, он хотел ничего не слышать и ни о чём не знать, он едва не закрыл уши ладонями и почти заплакал, но сдержал себя, бормоча: «Я ещё покажу себя...»

Тихо и незаметно, точно вечерние северные сумерки, появился старый слуга и сказал деликатным шёпотом, что какой-то неизвестный ему молодой господин желает, чтобы его гос-

подин принял того господина. Этьен же не хотел никого принимать и не с кем встречаться в ту минуту, когда он лежит почти беспомощный и совершенно униженный. Но правила этикета требовали быть учтивым, он приказал впустить незнакомца. Этим незнакомцем оказался прекрасно знакомый, даже слишком знакомый Этьену его соперник Александр Лоэтинг. Высокий и тонкий, как зарождающийся смерч, он вошёл в шатёр, слегка задев головой откинутый слугой полог и направился прямо к приподнявшемуся на локте раненому.

«Зачем он тут? – Мелькнуло в голове Этьена, – пришёл насмеяться? Мало ему моего унижения при всех, будет теперь глумиться с глазу на глаз?»

– — Господин Планси, – начал Александр Лоэтинг дружелюбно, – я забежал узнать о вашем самочувствии. Конечно, я понимаю, вам неприятно сейчас лицезреть мою наглую физиономию, но для меня турнир тоже стал первым в моей коротенькой биографии, и ваше могучее копьё также могло повергнуть меня недостойного в прах. Мне, вероятно, лишь на малую долю больше вашего повезло. Это рыцарский турнир и здесь надо быть готовым к тому, что кто-то обязательно не усидит в седле, и почему им не можешь быть ты. Удача и неудача имеют одинаковый вес и значение, они в полном равновесии, и что склонит чашу на какую-либо сторону, не знает никто.

– — Господин Лоэтинг, – мягко сказал Этьен, – я не держу на вас обиды. На себя да, злюсь: слишком уж переволновался перед поединком и не сумел как следует поднять свой боевой дух. – Этьен улыбнулся и протянул руку своему гостю, – будем друзьями. Мы были, можно сказать, товарищами по несчастью, так станем же друзьями.

– — Принимаю ваше предложение как подарок и конечно соглашусь с ним, – радостно воскликнул Александр и пожал руку своему новому другу.

III глава.

На другой день Этьен Планси уже сидел в седле, хотя тело побаливало, но он не обращал внимания на напоминавшую о себе при каждом движении боль, из-за чего появлялась непривольная скованность в жестах. Этьен старался держаться на лошади так, как будто не он, а кто-то иной, лежал вчера, боясь лишний раз поменять неудобную позу.

Сегодня должны были состояться поединки самых опытных рыцарей, прошедших сотни турниров, знаменитых и почти безвестных, переживших множество битв – победных и проигранных, сражавшихся с людьми, с чудовищами и колдунами. Этьен и Александр, спешившись, заняли места среди зрителей, и Великое Действие Турнира пошло своим чередом.

...Этьен, забыв о вчерашней неудаче, жадно, словно голодный волчонок дорвавшийся до свежего мяса, наблюдал за ходом поединков, которые шли один за другим, каждый раз вызывавая восторженные крики у большей части зрителей, и заглушавшие вздохи разочарования тех, кто оставался в меньшинстве. Юноша глядел на всё широко распахнутыми глазами, не пропускал ни единой детали из того, что видел, запоминая сразу имена и титулы участников, отмечал манеру поведения перед схваткой и особенности ведения боя каждого бойца, пытаясь понять, почему к некоторым рыцарям зрители наиболее благосклонны, а к некоторым почти равнодушны. Треск ломавшихся копий, искрящийся звон мечей, горячее дыхание скачущих лошадей, восторги потрясённых зрителей, высокие голоса герольдов – всё представлялось ему весёлой и задорной музыкой. Он целиком, до последней клеточки своего существа погрузился в плотный, насыщенный воздух мужских игрищ, весь словно бы растворившись в густом, пьянящем тумане всеобщего упоения доблестью и славой. Но даже на самом пике, на самой высшей точке радостных ощущений Этьен не забывал главного – оно ни на мгновение не уходило из его сознания: то, из-за чего он боялся хотя бы на минуту покинуть место на трибуне (как это делали многие, чтобы передохнуть и подкрепиться) проведя на нём почти весь день, он ждал и никак не мог дождаться поединка своего отца графа Деблака и знаменитого барона

Трофинта. Этьен не знал, что их встреча намечена последней на турнире, так как оба рыцаря славились как самые стойкие и непобедимые бойцы.

Йэн Титрич барон Трофинт Рыцарь Белого Вепря прослыл величайшим воином, стяжавший молву успешного и непобедимого ратника на бесчисленных турнирах и в бесконечных войнах. Он не ведал поражений ни в одной стычке около 20-ти лет, всех своих противников и недругов он крушил таким чудовищным напором и таким непреодолимым натиском, что противостоять ему было невозможно, его невероятная сила и безграничная мощь вошли в легенду, они казались беспредельными и невероятными. Во всех северных, восточных и граничащих с ними центральных и западных королевствах, герцогствах, маркизатах и прочих землях он победил каждого, кто осмеливался выйти против него. Одно только имя барона Трофинта наводило панический страх на слабых, робких сердцем и отнимало волю, ввергая в уныние сильных и мужественных воинов. Многие из них – доблестных и бесстрашных – несмотря ни на что выходили на бой с непобедимым бароном, в надежде если не победить, то хотя бы прослыть достойным бойцом и выглядеть настоящим рыцарем перед этим необъяснимым, не поддающемуся привычному толкованию явлением как барон Трофинт.

А граф Деблак прославился многочисленными победами в южных странах, великие турнирные вояки, прошедшие и выигравшие немереное количество поединков терпели поражения в схватках с графом. Против него выступали все те, кто числился самым лучшим и самым сильным, непобедимые вступали с ним в схватку, чтобы перестать быть непобедимыми. После встреч с ним блаженно-счастливые превращались в бесконечно несчастных, могучие, скалоподобные ощущали себя жалкими и ничтожными, воинственные становились кроткими, давая обет никогда больше не брать в руки оружия. Имя Деблака прогремело по всему миру далеко за пределами тех земель, где оно прославилось, его подвиги обросли такими невероятными подробностями, что выглядели как миф.

Теперь эти два величайших воина должны были впервые биться между собой.

И вот раздался последний сигнал к последнему поединку турнира. Вызывались барон Трофинт Рыцарь Белого Вепря и граф Деблак Рыцарь Красноухого Пса. У юноши всё замерло в груди: он никогда не видел отца побеждённым, сын даже не думал, что отец может кому-нибудь проиграть. Этьен, пристав со своего места и прикусив губу, застыл в неудобном положении, он ни о чём не думал, просто вперился взглядом туда, где сейчас должна была начаться схватка, и ждал исхода.

А противники, стоявшие на противоположных сторонах, как две высокие сторожевые башни, одновременно тронули лошадей и ринулись вперёд, словно их обоих вела единая непреодолимая стихия, готовые разнести всё, что попадётся им на дороге. Топот их закованных в металл коней походил на грохот падающих со скал гигантских валунов, рыцари держали наперевес тяжелейшие копыя, сделанные из внушительных по толщине брёвен, их неподъёмные щиты с гербами были изготовлены из цельного куска трижды закалённого железа, без единой деревянной детали, с широкими подручными ремнями, выделанных из толстой из кожи матёрых секачей. Наконец они съехались в одной точке в центре поляны и с громоподобным звуком ударили друг друга копыями. Наблюдатели на трибуне ощутили словно бы волну, прошедшую по земле, от чего качнулся и дрогнул помост, на котором они сидели. Копьё Трофинта угодило в середину щита Деблака, и щит раскололся на три части, но всадник выдержал натиск и усидел в седле. Копьё же графа остриём прошло мимо щита барона прямо в грудь, но тот сумел откинуться немного назад и, смягчив, таким образом, силу удара, остался на лошади. Деблак потребовал новый щит у оруженосца и, получив его, с утроенной яростью бросился на несломленного Трофинта. Хорошо разогнавшись, они столкнулись во второй раз, и теперь каждый попал точно в щит своего соперника. Они с такой нечеловеческой мощью грянули по металлу чудовищно неподъёмных щитов, что копыя с громким, адским треском сломались, оглушив резким звуком зрителей – те на несколько минут перестали слышать себя и тех,

кто находился поблизости. Оба рыцарских коня мгновенно остановились, не в силах скакать дальше и непроизвольно присели на задние ноги, задев краями попон горячий песок. А всадники, прижавшись к шеям лошадей, не выпали из сёдел, они, будто влитые, замерли на месте и никто из них не коснулся земли. Вырвав у оцепеневших оруженосцев новые, более прочные, квадратного сечения копыя, соперники, кипя расплавленным золотом воинского азарта, кинулись третий раз в бой, с крайней решимостью доказать свою силу и превосходство и победить. Оба знали, что теперешний раз последний: сейчас или никогда. И снова наконецники их копий, будто заколдованные, одновременно врезались в изображения родовых гербов на гигантских щитах. Ничто в мире не перенесло бы той силы, с которой они столкнулись: всем почудилось, что горы, едва видневшиеся на горизонте, начали рушиться, а потревоженное небо стало быстро, какими странными кусками падать вниз, на землю, а та со стоном пошла трескаться уродливыми провалами. Оба рыцаря с шумом, подобный рокоту сотни водопадов, опустились вместе с лошадьми на изрытый песок. Вернее, не устояли на ногах и упали ослабевшие вдруг лошади, а всадники как были на их спинах, так и остались там, точно вросшие в сёдла: только несчастные животные явились причиной и виновниками того, что граф Деблак и барон Трофинт почувствовали унылое и тоскливое разочарование от неожиданного падения.

IV глава.

...Никого не объявили победителем, и никого не назвали побеждённым: один не мог пересилить второго, оба были идеально одинаковы по силе и по рыцарскому мастерству. И если бы не упавшие и покалеченные лошади, они продолжили бы поединок, но и этого оказалось достаточно, ибо весь свет убедился, что барон Трофинт и граф Деблак величайшие воины в мире и равным им нет – они равны только между собой.

...Этьен поддерживал отца, который сидел у входа в свой шатёр весь избитый, в кровоподтёках и синяках – граф не желал прилечь даже на минуту, он был возбуждён и рвался в новый бой. Он повторял как заклинание, что в следующий раз – а он случится скоро – одолеет непобедимого барона, и слава того поблекнет, словно старая серебряная монета.

...Турнир затих, как море в мёртвый штиль, делать здесь стало больше нечего, и граф Деблак приказал сворачивать походный шатёр и собираться в дорогу. Ему подали нового молодого коня, граф немного тяжеловато, не так легко, как обычно, запрыгнул в седло – мускулы на его лице чуть заметно дрогнули, но Рыцарь Красноухого Пса придержал чувства внутри себя и не позволил чертам своего лица исказиться гримасой боли.

– — Рыцарь, пока он способен сидеть на лошади, обязан ехать верхом, а не лежать спиленным бревном в удобной повозке, – сказал он, – лишь убитый или смертельно раненный, потерявший сознание воин имеет право на то, чтобы его перевозили лежачим. Какой бы сильной не казалась слабость, мужчина обязан быть сильнее её.

И граф Деблак и его сын снова отправились в путь – и это был путь домой, в старый родовой замок Планси. Этьен пригласил своего новообретённого друга Александра присоединиться к ним и погостить в их владениях, и Александр с какой-то жадной радостью согласился. И они поехали все вместе.

...К исходу третьего дня дороги из-за темневшего, сумрачного, будто там всегда стоял поздний вечер, леса появились высокие, сложенные из крупных серых камней, прямоугольные башни родного замка. Прошёл почти год, как Этьен покинул его, отправившись совершать свои первые подвиги. Александр, скакавший рядом, рассказывал что-то лёгкое и весёлое, но Этьен почти не слышал его голос – голос воспоминаний звучал громче. Он вспомнил мать, умершую три года назад – она была для Этьена самым близким и дорогим человеком. Отца он видел очень редко, тот обычно находился далеко, на какой-нибудь обязательно справедливой войне и участвовал в самой решающей битве или бился на очередном важнейшем и крупнейшем турнире, чтобы стать в который раз лучшим среди лучших и упрочить свою громкую славу

непобедимого. А мама всегда была подле него, и только после её смерти сын начал сближаться с отцом.

— — Этьен, помнишь маркиза Ротанги? — - Спросил отец, прервав быстрый поток воспоминаний сына.

Юноша плохо помнил старичка-маркиза, словно сквозь замутнённые витражи не очень ясно и сильно размыто проступало малознакомое лицо весьма пожилого человека. Этьен видел его последний раз лет десять назад, он тогда ещё удивлялся, как у такого дряхлого родителя такая маленькая дочка — - она была младше Этьена года на полтора. Его-то отец всегда был молод, он и сейчас не стар: по возрасту отцу всего лишь сорок лет.

— — Да, — - ответил Этьен, — - припоминаю, правда, с трудом. Помню только, что маркиз выглядел каким-то больно древним. А что, он ещё жив?

— — Нет, умер полгода назад, — - сказал отец, — - осталась совсем юная дочь, единственная наследница маркиза. Невеста, на жениховство к которой непременно станут набиваться многие, претендентов окажется наверняка немало.

— — А что, девочка симпатичная? — - Спросил Александр.

— — С таким состоянием, как у неё и верблюд покажется симпатичным, — - со смехом ответил граф, — - но поверьте, такой удивительной, обворожительной красоты давно не появлялось в нашем королевстве, да и, пожалуй, во всём целом свете. Изабель теперь совсем сирота, родственников нет, я её отцом в завещании назначен ей главным опекуном. Ротанги наши давнишние соседи, мы всегда состояли в дружеских отношениях, маркиз был другом ещё моего отца (они с ним ровесники), а женился старый вельможа очень поздно на совсем юной девушке. Да только недолго длилось их счастье: молодая жена умерла при родах. Сын, ты ведь в детстве встречался с Изабель.

— — Да, кажется, — - рассеяно сказал Этьен, — - видел, наверно, раза два... Была какая-то маленькая девочка, полная непонятного высокомерия, которая вообще не желала со мной разговаривать. Да я не очень-то обращал на неё внимания.

— — Мы к ней в замок Ротанги заедем на днях. Я обязан навещать и следить за её делами. Когда она пожелает выйти замуж, то я должен буду устроить её брак и проследить за тем, чтобы её права не оказались бы нарушены, — - сказал отец и посмотрел на сына, тот совершенно не слушал отца и витал где-то в своём мире.

— — Мальчик мой, ты о чём замечтался? — - Спросил граф с доброй усмешкой. Этьен улыбнулся и ничего не ответил.

V глава.

Несколько дней они провели в родном замке в обычной суете, в несколько возбуждённом состоянии, какое бывает всегда после приезда в дом, где долго отсутствовали хозяева. Как-то не сразу вспоминаются полузабытые предметы обстановки: двери прежде вроде бы открывались в противоположную сторону, вдруг неожиданно громко заскрипят ступени, раньше такие тихие, ковёр покажется на удивление тусклым, его краски стали совсем блёклые, потолки опустятся до смешного низко, а просторные комнаты и большие залы уменьшатся и уже будут восприниматься как вполне обычные по размеру. Этьен бродил по всему замку, узнавая и не узнавая старое привычное, так причудливо сплетённое с новыми ощущениями, он понимал, что ничего здесь на самом деле не поменялось — - это он стал другим.

Но пришёл день, когда граф повёз молодых людей в замок Ротанги. По дороге Этьен как всегда в последние дни казался рассеянным и задумчивым. Александр рассказывал занятные истории — - он хорошо всем известные сюжеты переиначивал на комический лад. Граф скупо улыбался, а оруженосцы и пажи, следовавшие позади, хохотали весело и искренне, просто-душно забыв о сдержанности, но под суровым взглядом хозяина быстро умолкали, впрочем, стоило графу отвернуться, как широкие улыбки возвращались на их юные лица. Все уже успели

полюбить Александра за его лёгкое сердце, за свободные, без условных церемоний отношения со всеми независимо от их положения, за простоту, в которой не было искусственности и нарочитости, а лишь одно естество.

...К вечеру вся кавалькада всадников подъезжала к главным воротам огромного замка Ротанги – настоящая неприступная цитадель с толстыми стенами и массивными круглыми башнями, темневшими узкими прорезями многочисленных бойниц – чтобы осадить такую крепость нужна немалая армия, готовая к долгому, изнурительному, растянутому на года штурму.

Александр, видя представшее перед ними грандиозное величие, придержал коня и обратился к Этьену:

– — Эта крепость, видимо, шедевр фортификации, пытаться её брать, значит умереть от скуки и тоски. Представляю: целое войско, отчаявшись её взять, падёт не от оружия врага, а от непереносимой меланхолии и убийственного уныния. Ведь как подумаешь, что на эти высоченные, ну почти до неба стены надо лезть, да ещё при всём в тебя будут втыкаться острые стрелы, лететь в голову тяжёлые камни, литься на лицо и плечи расплавленная смола, то жить не захочешь. Нет, лучше оказаться тут гостем, но не врагом, тем более, что хозяйка здесь прекрасная, как говорят, нимфа. Этьен, довольно грустить и мечтать, пребывать в таком настроении опасно, особенно перед встречей с молоденькой девушкой. Берегись, а то моментально влюбишься.

– — Я пока никого не любил, – - спокойно ответил Этьен.

– — Влюбишься, и не раз, – - улыбнулся Александр, – - забудешь печалиться, станешь беспечным и, одновременно, озабоченным. Почувствуешь себя словно бы новорождённым, ибо с каждой новой любовью мы как бы опять появляемся на свет.

– — А как же вечная любовь, рыцарское служение единственной даме сердца? – - Спросил, улыбнувшись, немного повеселевший Этьен.

– — А ты влюбляйся каждый раз навеки, – - ответил Александр, – - очередная любовь как последняя, как самая лучшая, она должна быть на тот момент единственной. В этом нет противоречия: если ты истинно любишь, то веришь, что навсегда и никто больше тебе не нужен. Не важно, что проходит любовь, наступает пресыщение, главное, ты был искренен в своих чувствах, ты верил в подлинность своих устремлений быть всегда с той, которой сейчас отдано, говоря банально, твое сердце. Упивайся, погружайся целиком, утони и захлебнись в этих ощущениях, забудь, кто ты есть, если надо, умри, исчезни. Опустись, пройдя через все глубины, до самого дна и растворись в нём, добеги до края, до последнего предела и минуй, перейди его. И будешь счастлив. Ты должен осушить кубок до капли, насытиться до изнеможения, ведь смысл любви взять от неё всё. Но взяв всё, всегда желаешь чего-то ещё, непознанного, неоткрытого, и сосуд, бурля пенной влагой, переполняется по-новому, чувство возрождается и другая любовь влечёт тебя. И ты, словно в первый раз, любишь опять по-настоящему.

– — Вы поэт и философ любовного наслаждения, господин Лоэтинг, – - с лёгкой иронией произнёс граф, вмешиваясь в разговор.

– — Да, но одно наслаждение не в радость, если в сердце нет ничего и там пусто, как в кармане нищего, – - сказал Александр, – - когда в душе ничто не шевельнулось, в ней нет никакого движения по отношению к женщине, мне от этой женщины ничего не надо, пусть она и слышит первейшей красавицей в мире. Чувство, оно ведь неожиданно и непредсказуемо, а порой абсолютно неразумно: почему нравится именно эта, которая, если посмотреть трезво, ну никак не может нравиться тебе, да и она, в общем, не очень-то и нравится, но только она и влечёт, не понятно чем и почему. Одним словом, любовь. И каждая новая избранница (правда, кем она избрана, ясно не мной) видится последней, но потом всё куда-то девается, уходит, она перестаёт тебя интересовать, и уже тянет к следующей единственной. И так, видимо, без конца.

С последними словами Александра, пройдя через широкие, с толстыми, почти как ствол столетнего дуба, створками ворота, они въехали во двор замка Ротанги. Спешившись, всадники передали коней в руки проворных слуг: гостей здесь ждали, знали, что они скоро будут. Граф и его молодые спутники, пересекли протяжённый двор и, миновав роскошно разукрашенные барельефами двери, вошли во дворец, возвышавшегося внутри крепостных стен. Сопровождаемые ловкими лакеями, гости поднялись по длинной каменной лестнице – – камни на ней были стёрты подошвами ног многих поколений рода Ротанги – – и очутились в большом, как засеянное клевером поле, парадном зале.

Александр, задрав голову и неторопливо прохаживаясь по залу, с несколько развязано-скептическим любопытством разглядывал преизбыточную, как он сразу решил, роскошь и бессмысленное (ведь ничто тут не имело практического смысла, кроме внешней ослепительной красоты) великолепии. А Этьен ни на что не обращал внимания, он смотрел куда-то в угол, в «свой» угол, там он нашёл и зацепился взглядом какую-то «свою» точку и словно бы боялся оторваться от неё: необъяснимое и вроде бы беспричинное волнение сковало его волю и раздавило обычную лёгкость настроения. Этьен не просто ждал, он определённо знал, что сейчас произойдёт самая важная встреча в его жизни.

Наконец появился молодой дворецкий и торжественно, как на официальном приёме объявил о выходе маркизы.

– — Здравствуйте, уважаемые господа, – – произнесла она с радостной интонацией, – – я очень счастлива видеть вас у себя в доме.

Граф Деблак представил молодых людей.

– — Господин Этьен, – – сказала девушка, – – мы, кажется, когда-то с вами были знакомы, в то чудесное время, что зовётся детством?

– — Да, – – без голоса ответил Этьен, – – припоминаю...

И невидимая паутинка, на которой едва держалась его воля, оборвалась: подленькая, чужая, совершенно не его дрожь пошла хозяйничать по всему телу. Он больше не мог говорить, он забыл, что делать с руками и для чего они нужны, его ноги так ослабли, что захотелось лечь на пол лицом вниз, а внутри себя он ощутил, как всё в нём провалилось в какую-то бездну, образовалась пустота, которая мгновенно начала наполняться чем-то тяжёлым и горячим.

Девушка глянула на него, улыбнулась немного неловко, но сразу же, словно мгновенно забыв, кто такой Этьен, отошла от него и, подойдя к графу, стала серьёзно, с хорошим знанием дела, обсуждать вопросы опекуновства и наследства. Она тщательно, с неподдельной заинтересованностью вникала во все мелкие подробности и казуистические особенности запутанных и непростых для однозначного толкования законов, с неженской дотошностью перебирала каждый отдельный параграф и требовала точного и внятного, как сама природа, ответа. Пока она говорила, в её голосе твёрдые и уверенные интонации слышались всё явственней и громче.

А Этьен сначала обрадовался, но почти тут же огорчился, что про него забыли, он пытался выглядеть безразличным, делал, как ему казалось, обычное лицо, но его голубые глаза как-то произвольно, сами по себе встречались с чёрными глазами Изабель. Он быстро, слишком быстро отворачивался, и его обычно белое, с едва наметившимся румянцем на чистых, не знавших бритвы щёках, лицо пылало красным пламенем то ли стыда, то ли счастья. В один из таких моментов он встретился глазами с Александром: тот откровенно, будто уличный мальчишка, пялился на девушку и, не скрываясь, вроде бы восхищался ей и в то же время будто бы оценивал её. Этьен бросил, вернее, попытался, сердито хмурясь, бросить строгий взгляд другу, но Александр в ответ изобразил недоумённо-дурацкую гримасу, полную добродушия и веселья.

Как маленькая хищница, наигравшаяся со своей жертвой, наконец, забыла о ней, так и Изабель в секунду закончила с графом наскучившую всем беседу о делах и вдруг без перехода заговорила о большом бале, что состоится в её замке в ближайшую субботу.

— Приглашены самые блистательные и самые знаменитые рыцари со всего света, — сказала она, — заявятся, так сказать, невесту смотреть, то есть меня, а значит, моя драгоценная особа окажется в центре всеобщего внимания. Наверное, это и есть подлинное счастье для молоденькой девушки... Все завидные женихи на один вечер станут моими, правда, выбрать придётся лишь единственного. Господа, я вас официально всех приглашаю, должно быть весьма забавно. Господин Этьен, надеюсь, вы не откажетесь посетить мой бал?

Этьен не ступешался и почти во весь голос прокричал:

— Да, конечно, приеду!

— Ну, тогда до субботы, господа, я вас жду, непременно... — сказала Изабель на ходу, уже удаляясь.

Гости, видя, что приём окончен, покинули дворец и, сев во дворе на отдохнувших лошадей, поскакали домой. Этьен, как только они отъехали от замка Ротанги, стал ощущать, что он словно бы превращается в живой факел — внутри и снаружи у него всё разгорелось и раскалилось до края, его мозг стал подобен расплавленному свинцу — жаркий и тяжёлый, а сердце было тем могучим молотом, чьи страшные удары били по горячему металлу, из которого сейчас состояло его существо. Он понял, но не разумом, а инстинктом, что жизнь перевернулась, в ней появился смысл — единственный и не проходящий смысл, из-за чего его существование превращается в бытие, он находится у той точки, где земля смешивается с небом, и персть преобразуется в твердь. Теперь он навеки связан с Изабель, чтобы он не делал, где бы не находился, будет рядом с нею или далеко от неё, нужен он ей или нет, захочет она его знать или отвергнет, он всегда станет служить ей одной. Его душа, воля, его «Я» превратятся способ поклонения ей, он навсегда забудет, что он есть как личность — всего себя он отдаст той, что есть его любовь.

... — Как тебе юная маркиза? — Оглушил Этьена неожиданный вопрос Александра.

— Недурна, — попытался как можно беспечнее произнести Этьен, но, видимо, ничего у него не получилось, так как Александр развернув коня, повернулся лицом к другу. Но глядел он на Этьена буквально две секунды, после чего, вздыбив скакуна, резко дал тому шпоры и поскакал во весь опор куда-то назад. Он зачем-то объехал всю вереницу всадников и на обратном пути, пролетая мимо Этьена, заорал:

— Геро-ой!

И умчался вперёд так далеко, что его почти не стало видно.

VI глава.

...Этьен никак не мог дождаться назначенного дня. «Время стало...» — мучился он. И чтобы он ни делал — ел (лишь когда звали обедать, сам он о еде напрочь забывал), спал (если, конечно, ему удавалось иногда заснуть), отвечал на какие-то вопросы (сам Этьен не вступал ни в какие разговоры, вообще не слыша, о чём толкуют окружающие) — он всё время думал об Изабель и даже не думал, просто всё его существо было наполнено ею. Он всюду видел её лицо, её необыкновенно глубокие глаза, её удивительно волшебные чёрные волосы, её стройную тонкую фигуру, особенно часто он вспоминал тот момент, когда она, толком не попрощавшись, стремительно уходила из зала. Этьену чудилось, что он наблюдает себя со стороны, что какой-то другой человек живёт вместо него — лицо, руки, жесты, голос всё принадлежало ему, но это был не он, а совсем посторонний человек, занятый заботами повседневного существования, такие чуждые и ненужные ему, подлинному Этьену, который на самом деле находился не здесь, но — там, подле неё, где они, точно связанные единой пуповиной, неотделимы друг от друга, и он никуда без неё, он это она.

«Наваждение? Я видел её не более получаса. Нельзя же влюбиться по-настоящему за такой короткий срок, — пытался он время от времени убеждать себя, — надо подходить ко всему с умом. Я обязан как мужчина, как воин управлять своими чувствами. Прав Алек-

сандр: настроение в тот день было странное, несерьёзное, какое-то детское. Лишь увижу её, тут же стану спокойнее и рассудительней. Там на балу встречу много разных молодых девушек, появится возможность сравнивать. Будет шанс разобраться, истинно ли моё чувство. Просто Изабель стала первой встречной, как предупреждал Александр. Любая красивая девушка, будь она на её месте, так же воздействовала бы на меня. Виновата не её удивительная красота, а моя несобранность, неопытность. Второй взгляд на неё и возможность сравнения с остальными красавицами всё решат». Но эти разумные доводы забывались сразу, как только Этьен заканчивал так рассуждать, на самом деле, он беспрерывно думал о том, как и когда увидит её снова.

...В назначенный день граф не смог поехать на бал: помешали непредвиденные обстоятельства: его срочно вызвал король по неотложному делу. И Этьен и Александр поехали без него.

...Они немного опоздали и когда вошли в парадный зал дворца Ротанги, то поразились количеству приглашённых гостей, точнее, количеству присутствующих блистательных и неотразимых молодых и не очень молодых людей.

Этьен, как одинокий тополь на краю колосающегося поля, замер на пороге, не решаясь войти, не потому, что робел, но просто не желая быть среди всех, он не хотел затеряться в общем скопище и остаться незамеченным. Александру же представшее зрелище сразу показалось забавным, он, как всегда с иронией, произнёс:

— Да тут каждый или прославленный воин, или бесстрашный победитель драконов и более мелких чудовищ, или непреклонный турнирный боец, или избавитель каких-нибудь городов и поселений от ужасных великанов и людоедов, или просто самый славный рыцарь в свете. И, наверняка, все самые лучшие танцоры, искусные музыканты и выдающиеся поэты. Мы здесь как две песчинки на берегу бескрайнего моря.

— Никто нас не разглядит, — пробормотал Этьен, — как всё бездарно и наивно.

— А кто нас должен разглядеть? — Спросил Александр, — кто нам нужен? ведь нам никто не нужен, кроме одного маленького человечка? А остальные существуют здесь весьма условно, можно сказать, их нет. Воспринимай всё только так, мой друг, и тебя заметят, и ты добьёшься своего...

— Уйти невозможно. Оставаться глупо, — сказал, почти не слушая Александра, Этьен. — Что ты есть, что тебя нет, всё одно...

К концу бесконечного, как показалось Этьену, вечера, бродя в толпе галантных кавалеров, из которых, правда, Изабель никого не выделяла и не отмечала, он начал ненавидеть всех, а сильнее всего — самого себя. «Зачем они здесь? Зачем я здесь? — Думал он, — Как мучительно и как по-детски. Я не вправе их не любить. Они не хуже меня, и чем я лучше их? Я — один из них, я такой же, как они. У меня столько же шансов называться первым, как у каждого тут. Мы все равны. Выбирает она. Полюбит она лишь одного. Надо убираться отсюда. И как не хочется уходить. Смешно и не по-мужски...» Он уже ни на секунду не отходил от девушки и, не замечая того, по всему залу следовал за ней и слишком откровенно и бесхитростно, словно блаженный или ребёнок, непрерывно смотрел на неё. Её прекрасное лицо, где, как ласточкины крылья, брови, правильный прямой нос, слегка порозовевшие щёки, тонкие алые губы казались ему волшебными и непереносимо привлекательными, не позволяли ему отвести от себя взгляд. И когда Этьен, как игрушечная собачонка на верёвочке, тащился туда, куда направлялась Изабель, он, точно незрячий, натёкался на всех, кто попадался ему навстречу. Кого-то он не намерено толкал, не подумав извиниться, кого-то сомнамбулически обходил, а некоторых просто отодвигал, как будто то были не живые люди, а деревянные марионетки в притихшем театре. Окружающие быстро обнаружили его состояние, слишком очевидно оно проявлялось — кто-то сочувственно подбадривал его, кто-то наоборот сыпал добродушными насмешками, а кто-то злобно язвил.

Этьен ничего не слышал, он очнулся, лишь почувствовав, что его настойчиво трясут за правое плечо. Он непонимающе, с невыразимой досадой обернулся, готовый дать отпор наглую негодяю, но перед ним стоял всего лишь его друг Александр.

— Дорогой мой Этьен, — сказал он, — нельзя так открыто выражать своё обожание. Если ты таким оголодавшим щенком, который жалобным взором не отрываясь, уставился на недоступный окорок, подвешенный под потолком харчевни, будешь глядеть на женщину, она станет презирать тебя, начнёт смеяться над тобой, она живо потеряет к тебе интерес, а если окажешься настойчивым и не бросишь так пялиться на неё, то возненавидит тебя. Женщина должна знать и видеть твою силу, твоё превосходство над ней, твоё, если хочешь рыцарское достоинство. Действуй как мужчина, действуй в отношениях с ней, как в бою, вообрази, что ты на поединке, считай, что перед тобой враг, только враг, которого любишь, но его тоже необходимо победить и покорить. Женщина, признав в мужчине верховенство победителя, ощущая его силу и мощь, с радостью покоряется и сдаётся ему. И тогда взаимное наслаждение станет вам наградой, вы оба непременно достигнете, как считается, бесконечного счастья.

— Что я должен предпринять? — Устало спросил Этьен, — взять её приступом, пленить и увезти? Я не обладаю искусством обольщения. Да оно тут бессильно, ведь моя твердыня рухнула первой. Красота Изабель оказалась самым разрушительным тараном. Я давно повержен, она тот враг, против которого всё бессильно. Я слабею только от одного её вида.

Он смолк и, постояв с полминуты без движения, словно механическая кукла с закончившемся заводом, повернулся и, как лунатик, подошёл к девушке, стоявшей на несколько шагов поодаль ото всех.

— Госпожа Ротанги, — произнёс Этьен слова, падавшие, будто тяжёлые камни, — я хочу вам признаться: я ваш униженный раб. Я не умею говорить красиво, скажу прямо: я вас люблю.

Он думал ещё что-то добавить, но не знал, что и остался стоять на месте.

— Господин Этьен Планси, — громко сказала Изабель, — вы так похожи на молоденькую девушку, такой же тоненький, светленький и нежненький. Подружками будем?

И она, задорно рассмеявшись, побежала прочь из зала, и её звонкий смех не скоро стих где-то в глубине коридоров огромного дворца.

VII глава.

... — Чем ты так развеселил прекрасную хозяйку замка? — Спросил Александр друга, когда они неторопливым шагом ехали обратно, — она так искренне и простодушно хохотала, что даже не представляю, что такого можно было ей ляпнуть. Я знаю, чем рассмешить юную девушку, но никто столько не смеялся над моими шуточками. Открой секрет, пожалуйста.

— Я признался ей в любви, — негромко ответил Этьен.

— Как, прямо так сразу откровенно и сказал? — Удивился Александр, — вот почему ей вдруг стало так необыкновенно весело, и поэтому она так стремительно убежала.

— А знаешь, что она ответила? Нет, не стоит говорить, стыдно... Стыдно слышать такие слова рыцарю, — сказал Этьен.

— Я, кажется, догадываюсь, — добродушно усмехнулся Александр, — она, видимо намекнула, нет, не просто намекнула, а напрямую сказала какие у тебя нежные, почти девичьи черты лица. Так знай, мой друг, ты ей очень понравился, она небезразлична к тебе, иначе, следуя этикету, промолчала бы и холодно отвернулась...

— Но почему она тогда смеялась надо мной?

— Характер у неё такой, — задумчиво сказал Александр, — если бы ты её игнорировал, проявлял бы к ней полное наружное равнодушие, относился бы к ней как к несуществующему, ничего не значащему для тебя предмету, то тогда б она сама бы стала добиваться твоего внимания, начала бы бегать за тобой и, как маленькая трясогузка, попалась бы в твои неви-

димые силки. Эта девица не так проста, она, похоже, любит действовать наперекор, всё старается делать по своему, то есть в обратную сторону, наверняка она предпочитает путь сопротивления, то, что ей предлагает судьба, желает повернуть по-иному, причём, не обязательно, во благо себе или кому-то ещё, лишь бы вышло не так, как предлагают данные обстоятельства, и не важно, хорошо ей будет или плохо. Этьен, то, что она тебе по неосторожности сказала – а эта была именно откровенная неосторожность с её стороны – заставит её, понимай буквально, мстить тебе – мстить за то, что ты своим видом вызвал у неё искрение проявления, ведь она почти проговорила, не случайно, быстро опомнясь, попыталась всё повернуть в шутку, хотела прикрыться глупым смехом, но получилось плохо и не убедительно, поэтому и сбежала. Теперь она начнёт мучиться сама – правда ты этого не почувствуешь, и начнёт мучить тебя – вот это ты точно ощутишь до предела. Хочешь, чтобы она стала твоей, забудь о ней, терзай её своим невниманием, и она, как поют менестрели, ляжет к твоим ногам.

– — Александр, мне ничего от неё не надо. Лишь бы она была. Какая есть, с характером или без него, злая или не очень, умная или глупая – она всякая моя. И не важно, нужен я ей или нет, владею я ей или нет, презирает она меня или любит. Всё едино, я всё перенесу. Я уже благодарен судьбе за то, что узнал Изабель.

– — Существование на краю пропасти, – сказал Александр, – вот к чему ты себя готовишь. Жутко непрерывно находиться там, откуда в любой миг можешь упасть. Стезя смерти и отсутствие надежды вот твой удел, если не обратишь всё вспять, по-своему. Ты обязан быть тем, кто ты есть.

– — А я и есть такой, какой есть. Я всё приму, чтобы меня не ждало.

– — Хорошо... – Устало произнёс Александр и после некоторого молчания продолжил, – Этьен, помнишь ту девушку, возле которой я провёл половину вечера? Впрочем, зачем спрашивать, ты, кроме Изабель, никого и не замечал. Ну не страшно. Так вот, та девушка кузина Изабель, её троюродная, кажется, сестра, и зовут её Матильда. Она рассказала весьма интересные подробности о своей любимой сестрёнке. Изабель прекрасная наездница, она с раннего детства не вылезает из седла, лошади её страсть, но ладно бы она просто ездила верхом, так она ещё отлично владеет разным рыцарским оружием: она удивительно метко стреляет из лука, знает, как обращаться с облегчённым копьём, уверенно фехтует специально выкованными под её руку мечами. Изабель – хрупкая вроде бы девушка – заказала под свою фигуру настоящие полные доспехи и частенько, надев их, гарцует по дорожкам обширного, превращающегося постепенно в лес, парка замка Ротанги. Ей в мужском одеянии удобнее, она ощущает себя в нём гораздо свободнее, нежели в женском. А мысль о банальном замужестве, предназначенное ей как единственное постижение себя в качестве личности, представляется ей невозможной и противоестественной. И всё-таки, Этьен, ты прав, она нечеловечески обворожительна и потрясающе красива... Может, правда, носик чуточку длинноват... впрочем, дело вкуса.

VIII глава.

...Вернувшись домой, Этьен не знал куда себя деть, чем занять своё, ставшее таким чужим тело. Ночью он не думал о сне, пытался пару раз прилечь, но мысли об Изабель разбивали точно кузнечным молотом плоть его расплавленного мозга, и Этьен, будто выброшенный из катапульты, вскакивал со смятой постели и начинал быстро ходить по комнате. Так он, несмотря на чудовищное переутомление, и проходил всю ночь, иногда садясь прямо на пол или на край большого дедовского кресла и, почти не умолкая, что-то – иногда во весь голос, иногда переходя на малопонятный шёпот или на невнятное бормотание – говорил, словно кому-то что-то объяснял и доказывал. Время от времени он начинал громко смеяться, но потом, резко обрывая смех, затихал, и, после нескольких секунд благодной тишины, раздавался тяжёлый глубокий вздох.

И как только робкий день, едва предварённый неторопливым утром, привычно вернулся на остывшую под скудным лунным светом землю, Этьен сам разбудил неспавшихся конюхов и приказал им седлать коня. Они, хоть и полные удивления и недоумения – такого никогда прежде не было, чтобы в такую рань подниматься – ловко, без задержки справились со своими обязанностями. И когда конь был приготовлен, Этьен запрыгнул в седло и, никому не сказав, куда едет, дал коню шпоры и, как на скачках, стремительно, во весь опор поскакал прочь из замка.

Два сумасшедших часа, не давая отдыха ни себе, ни своей лошади, он гнал вперёд, позабыв следить за тем, куда несёт его дорога, холодный, как недруг, встречный ветер бил ему по лицу, но внутренний жар тела был настолько силён, что Этьен совсем не чувствовал воздействия этого ветра. И лишь когда, почти вконец загнанный конь стал сбиваться, переходить на шаг, переставая понимать команды хозяина, всадник, сбавив ход, бросил поводья, дав животному идти свободно. Чуть поостыв и на самую малую долю придя в себя, Этьен наконец ощутил слабый оттенок покоя, и, словно бы открыв по-новому глаза и осмотревшись, он вдруг понял, что заехал, сам того не осознавая, в тот самый больше похожий лес парк, что разросся за замком Ротанги. Радость, как молодое осеннее вино, вспенилась в его жилах, он был счастлив от того, что ехал по тем тропинкам и дорожкам, где совершала, облачённая в доспехи, свои конные прогулки Изабель.

«Может быть, она сейчас встретится мне, – размышлял юноша, – не знаю, что ей говорить. Но зачем говорить – увидеть бы только... Пусть она говорит, пусть даже смеётся надо мной. Может через смех мы и сблизимся. Прав ли Александр, что она не равнодушна ко мне или он всё придумал, чтобы утешить меня? А на самом деле я ей никто? Узнать бы определённо, но как?»

Тропинка, по которой двигался всадник, пошла в сторону, огибая небольшой, как он смог разглядеть, валун, торчавший из земли наподобие гигантского гриба с белой шляпкой. Этьен пустил коня быстрее и, основательно, как он рассчитал, разогнавшись, дал тому команду перепрыгнуть препятствие, и сильно уставший жеребец хоть и подскочил резво вверх, но не достаточно высоко – задев копытом криво выступавшую шишковатую верхушку камня, он судорожно дёрнулся, попытавшись подтянуть ноги, но было поздно, и, сипло всхрапнув, конь вместе с всадником рухнул на мягкую лесную подстилку. Земля перевернулась и на мгновение стала на место неба, синевшим в просветах между верхушек неприветливых дубов, Этьен ощутил сильный удар, и всё разом потемнело и куда-то пропало.

...Очнулся он, лёжа в чём-то мягком, приятном, голова сильно болела, но телу было уютно и хорошо, как в детской колыбели. Он приоткрыл веки – никогда Этьен не думал, что такое простое действие может стать таким сложным – всё вокруг выглядело незнакомым и новым. Даже запахи были особенные, неожиданные и удивительно приятные. Комната, насколько он смог увидеть, казалась небольшой и совсем непривычной по внутреннему убранству: жилища, в которых он проводил дни своей жизни, отличались скудным обустройством, в них помещалось только то, что необходимо для нормального существования без претензий на роскошь.

– — Господин рыцарь, – раздался ласковый девичий голос, – вы пришли в себя? Ой, как хорошо...

Этьен чуть повернул голову, и какие-то тиски словно бы сдавили её с висков, а на глаза нахлынул странный чёрный туман, почти его ослепивший. Прошло несколько мучительных минут, прежде чем мутное марево рассеялось, и из него, как воплотившееся видение, перед Этьеном появилась полненькая, очень миловидная девушка с немного глуповатой улыбкой на лице.

– — Где я? – Едва слышно произнёс раненый.

– — Вы нашем замке... замке Ротанги, – радостно сказала девушка.

— А вы кто? — Спросил уверенней Этьен.

— Я Элли, служанка госпожи маркизы, — сообщила девушка, — сегодня утром госпожа выехала как обычно на прогулку, она частенько любит одной верхом гулять по парку, она ведь вообще больше предпочитает лошадиное седло какому-нибудь удобному креслу, и быстрая скачка ей приятнее спокойному сидению на месте за вышивкой там или каким ещё рукоделем. Так вот, как она рассказывала, ехала она по хорошо ей знакомой дорожке и вдруг на её пути, раскинув руки по сторонам, лежите вы, господин, а рядом бьётся в судорогах и хочет встать бедный конь. Как потом выяснилось, он сломал две или три ноги, и его пришлось забить. А вас... видели бы вы госпожу, какая она прилетела в замок, чтобы взять людей и привезти вас, она казалась такой встревоженной, обеспокоенной, какой её никогда не знали, но распорядилась она быстро и жёстко, никто и не подумал мешкать, сразу те, кто должен был, двинулись за в дорогу, взяв длинные дроги, а во главе всей процессии — госпожа — такая бледная, красивая и необычная. В общем, привезли вас, господин рыцарь, в замок, вы были совсем без сознания и казалось, как все думали и говорили, что наверняка умрёте, вы казались слишком слабым, почти не дышали, и госпожа, выглядела такой расстроенной, что ей хотелось плакать, а она ведь никогда не плачет, насколько я её помню, а помню я маркизу с детства. Но наш старый лекарь, осмотрев вас, заявил, что организм молодой, крепкий, кровь не застаивается и с великой силой течёт по жилам, и вы обязательно поправитесь, просто надо полежать.

— Сколько времени я так лежу?

— Да почти весь день, — ответила служанка, — уже вечер, скоро ужин.

— А госпожа заходила сюда? — Спросил Этьен с надеждой.

— Мне запретили говорить, но если честно, то да, — сказала широко улыбающаяся девушка, — только не выдавайте меня Изабель, то есть моей госпоже, а то она рассердится.

— Она говорила что-нибудь обо мне? — опять спросил Этьен.

— Ну да, объясняла, как надо обращаться с беспомощным молодым человеком, как за ним, то есть за вами, ухаживать...

— И больше ничего? — настаивал Этьен.

— Ничего, — ответила Элли и отвела глаза в сторону, — ой, я же вам не сказала: у нас тут в замке ваш друг, господин Лоэтинг. Госпожа послала слуг в Планси сообщить, что вы упали с лошади, а она вас спасла...

— Так и заявила, что она спасла?

— Ну, может не такими словами, но по смыслу так...

— Хорошо, позови господина Лоэтинга.

Легконогая служанка малиновкой выпорхнула из комнаты, и через минуту туда вошёл Александр:

— Как наше самочувствие, господин воздыхатель? — Весело спросил он.

— В целом ничего, но голова что камень, — сказал Этьен.

— А на сердце пламень? — иронично добавил Александр.

— Да, я в её замке, — тихо и серьёзно произнёс Этьен, — она совсем близко, где-то рядом, может, стоит сейчас за той дверью. Или поднимается по лестнице, ведущей к моей комнате. Или ходит по длинным коридорам...

— Ходит, бродит, ест и спит, со служанкой говорит... Между прочим, о тебе, мой драгоценный друг.

— Тебе всё кажется смешным и несуразным, — спокойно сказал Этьен, — а я вот валяюсь, как какой-то увалень, а сам жду её. Думаю, когда она войдёт, как вести себя, какие слова подобрать, и смогу ли я вообще говорить. Я до изнеможения желаю видеть её и панически боюсь её появления. Нет, это не страх, это счастье, замешанное на ужасе.

— Ужасное счастье, — без иронии сказал Александр, — не волнуйся, слово за слово, и дело наладится, не заметишь сам, как беседа захватит тебя, и ты забудешь думать про свой

страх, он скоро и незаметно растворится в воздухе, как пар над котлом. Главное, умоляю тебя, не кричи ей о своей любви, управляй собой и своими чувствами, кажись сильным и снисходительным, не позволяй слабости брать верх над твоей волей. Иначе не избежать тебе унижительного женского презрения, запомни, в противостоянии мужчины и женщины мужское начало обязано преобладать над женским, только тогда появляется подлинная гармония и правильное соотношение сторон, таков закон естества.

– — Ты снова любовь сравниваешь с битвой, – - улыбнулся Этьен.

IX глава.

Несколько пустых дней он провалялся в мучительно-душной постели, и ни разу за все эти дни маркиза не заходила к нему, по крайней мере, пока он бодрствовал, но Этьен не мог знать, что происходило в тишине его комнаты когда он спал, точнее, забывался на какое-то время, словно бы ухнув в тёплую мутную воду застоявшегося пруда,. «Может, она и забегала, да я не видел. Элли всё время при мне, следит за мной и стоит мне закрыть глаза, как бежит докладывать хозяйке, что я сплю, будто караульный? И тогда она приходит и сидит возле моей кровати. Фантазии... Я ей не нужен, она просто исполняет долг милосердия по отношению к больному. А ко мне как к человеку у неё нет никакого интереса. Случись другой на моём месте, было бы то же самое?»

Александр, с которым мнительный Этьен делился своим сомнениями, пытался разуверить друга, напоминая ему о сложном характере девушки и её неестественной, придуманной из ложного чувства противоречия гордыни. Поэтому она сама никогда к нему не придёт, утверждал Александр, как бы ей этого не хотелось, но идти к ней первому Этьену тоже нельзя, надо держать её, как держит хищник жертву, на определённом расстоянии, не отпуская далеко, но и не приближаясь к ней вплотную, необходимо выбрать момент, когда жертва напряженным и долгим ожиданием будет готова к любому исходу, лишь бы наконец всё кончилось бы и хватать её крепкой рукой, не выпуская на волю. Мужчине, как любому охотнику, нужно оставаться терпеливым и расчётливым.

Этьен не разбирался, да и не хотел разбираться в тонкостях девичьих причуд. Он – - страдал и ждал, как скоро, он избавится от проклятого головокружения, при каждой попытке приподняться и сможет покинуть ненавистное ложе и пойти самостоятельно как нормальный человек.

И на четвёртый день, ранним утром он встал: в ногах ещё была лёгкая слабость, но голова казалась ясной и почти не болела. Этьен сделал пару шагов, отпустил руку поддерживающего его Александра, прошёл немного сам и решительно произнёс:

– — Всё, я больше не лягу. Довольно, належаюсь. Идёмте, выйдем на свежий воздух.

Он пошёл вперёд, чуть покачиваясь, и каждым следующим движением двигался всё увереннее. Александр и служанка Элли шли следом, если что, помочь, но Этьен уже успел забыть о них, и, чем дальше он шёл, тем более был твёрже в походке и свободнее в жестах и становилось ясно, что теперь он не нуждается ни в чей помощи. Они вышли из дворца на заднем дворе, где рос маленький и очень ухоженный сад, полный многочисленными цветами всех возможных видов. На одной из его скамеек сидела Изабель и читала какую-то толстую книгу. Она подняла глаза и, как показалось Этьену, предельно холодно посмотрела на него.

– — Как ваше самочувствие, господин Планси? – - Без интонации спросила она.

– — Моё самочувствие прекрасно, – - сказал Этьен, сдерживая внутреннюю дрожь.

– — Что ж, я рада за вас, – - сказала маркиза, опуская взгляд в книгу.

– — Я отлично понимаю, что чужой вам человек и вы абсолютно безразличны ко мне, – - произнёс Этьен после некоторого молчания, – - но выслушайте меня...

– — Что? – - Рассеяно спросила Изабель, – - выслушать вас? Вы читаете стихи или поёте песни? Вы сочинитель?

— — Нет, я о другом...

— — О другом? А другого не надо, -- насмешливо сказала девушка, -- я люблю хорошую поэзию, красивую музыку и ничего больше. Или вы интересуетесь судьбой своей лошади? Так она бедняжка издохла, причём, раньше времени, а могла бы скакать и скакать, видно всадник ей попался не слишком умелый.

— — Нет, госпожа маркиза, -- ответил молодой человек, -- я не о том. И вы достаточно умны, чтобы не понимать, о чём я хочу с вами говорить. -- Земля под ногами Этьена стала подвижной, он чувствовал, что скоро не сможет стоять прямо и ему придётся искать опору, и чтобы долго не мешкать, он выпалил, -- я говорю серьёзно...

— — Серьёзно, -- сердито перебила его Изабель, -- а что, по-вашему, я тут болтаю всякие глупости? Вы считаете, если я молодая девушка, то и могу нести только разную пустую чепуху и ничего незначущий вздор. Слишком вы о себе возомнили, и не вы один, а все мужчины, какие есть на свете. Вы бы хоть попрдержали в себе это ваше мужское высокомерие по отношению к «слабой», как у вас принято считать, женщине. Вы, господин Планси, откровенно воспитаны.

Она резко поднялась со скамейки и, метнув в Этьена злой взгляд, сквозь сильно прищуренные глаза, произнесла громким шёпотом:

— — Прощайте. И, конечно, выздоравливайте.

И стремительно, будто в быстром танце, развернулась и убежала, бросив ненужную книгу валяться забытой на скамье.

Х глава.

Назавтра, уже ближе к вечеру в комнату к Этьену зашла Элли и отвела его в большую гостиную, где уже собрались хозяйка замка, её кузина Матильда, Александр и ещё два неизвестных молодых человека. Этьену их тут же представили, но он мгновенно забыл навсегда их лица, имена и титулы. Его усадили в глубокое и очень уютное кресло, где он смог расслабиться телом: приятные ощущения действовали умиротворяюще. Но... то был не Этьен: не он сидел сейчас в кресле, а тот, кого принимали за него, отобразившего его подобие с совершенной точностью, а он сам каким-то особым внутренним зрением наблюдал за всем непонятно откуда, и присутствовал не там, где все видят его, а там, где никого нельзя увидеть. Ему казалось, что везде -- на потолке, на стенах, в углах, в самом воздухе обширной гостиной -- находились его глаза, и всё, что происходит, он мог рассмотреть идеально чётко и подробно. И свою телесную оболочку Этьен воспринимал как нечто чужое, неживое и плоское, словно её поместили не в пространство большого помещения, а на нарисованную на мраморном полу ярко раскрашенную картинку.

Изабель, тем временем, взяла в руки лютню и запела новую балладу, сложенную ею самой по старинной легенде о Ключе Любви и Великом Мече Победы. Она пела вдохновенно, было заметно, с каким удовольствием пелось ей, её невысокий голос -- глубокий, хотя и не достаточно громкий -- перебирал все оттенки интонаций: она точно знала, как надо петь, чтобы смысл песни дошёл до ума слушателей, а красота её мелодии -- до их сердец.

— — Красивая легенда, -- вздохнув, томно сказала Матильда, когда её кузина закончила.

— — Нет, это не легенда, -- строго произнёс один из безымянных молодых людей, -- Великий Меч Победы и Ключ Любви существовали в действительности. Правда и то, что Великий Воин, владевший и Ключом, и Мечом установил повсюду тысячелетнее царство мира, покоя и справедливости. Пока он, бессмертный, в качестве вечного дозорного объезжал все земли, населённые людьми -- и не важно, какое государственное устройство имелось там -- везде поддерживал порядок и гармонию. Великому Воину никто не мог противостоять, он в одиночку играючи расправлялся с любой армией, сколько бы она не насчитывала солдат, всё благодаря волшебному свойству Меча: стоило Воину достать Меч из ножен и поднять его

над собой, как враги, вышедшие на битву с ним, начинали поражать самих же себя своим же оружием: пущенные стрелы разворачивались в воздухе и втыкались в тех, кто ими выстрелил, копья неожиданно ломались и сломанной частью входили в тела своих ничего не успевших понять владельцев, мечи непостижимым образом разворачивались в руках и несчастные воины одним ударом отрубали собственные головы. Поэтому, со временем прекратились мелкие междоусобицы и большие войны, ибо нет смысла воевать, если исход сражения всегда один – поражение; сильные и могущественные теперь не притесняли слабых и немощных, ибо притеснителя неминуемо ждало возмездие, зло и неправда отступили в небытие, а власть – в какой бы форме она не проявлялась – стала мудрой и незаметной, ибо если влияние власти не ощущается, то подданные счастливы, а правители спокойны. А благодаря Ключу Любви в душах людей, попадавших под его воздействие ничего не оставалось кроме стремления к добру и любви к ближнему. Правда, с годами влияние Ключа ослабевало, если Воин долго не появлялся, но как только он приходил, то всё возвращалось к прежнему мироустройству. Из-за этого бессмертный Воин, никогда не покидая седла, постоянно и нескончаемо пребывал в дороге, единственная страна, куда он не сумел проникнуть – Чёрное Королевство Безвременья. Оно находилось внутри естественного кольца, возникшего из высоких скалистых, с очень крутыми склонами, без малейшего просвета гор, войти внутрь можно было только через подземные ходы, и не каждому, а лишь тому, кто знал заклинание, составленное из ста слов давно забытого языка. А Воин не знал заклинания, а прорваться силой, когда на пути не вооружённые люди, а массивные железные ворота невозможно никому: сила слова здесь оказалась действительной силой оружия. В Чёрном Королевстве властвовала прекрасная и волшебная Гинора, как гласит предание, черты её лица казались настолько совершенными, что многие, узрев их, обретали веру – веру в абсолютную красоту. Всем хотелось служить Гиноре, её колдовскому, совершенному облику, и таким образом, они лишались воли и способности здраво мыслить, и она, пользуясь этим, вводила их в свою страну, пополняя её подданными. Но не каждому она показывала своё лицо, только тем, кто ей нравился, и чтобы быть неузнанной она не снимала с лица чёрного покрывала. И вот Великий Воин ей приглянулся – он никогда не надевал маски, не опускал забрала и всегда ездил открыто – и Чёрная Королева, сбросив покрывало, предстала перед ним во всём бесстыдном откровении своей колдовской прелести, и Бессмертный Воин впервые за тысячу лет влюбился. Нет, он не пошёл за ней в её Королевство Безвременья – его воля хоть и ослабла, но не на столько, чтобы превратиться в бесхребетную тряпичную куклу – он всегда помнил, кто он есть и что он значит для мира людей. И забыть прекрасную Гинору он тоже не мог, и из-за этого Воин перестал быть цельной и неделимой личностью: в нём родился Великий Любовник – полная его противоположность. Любовник не желал быть для всех, он желал знать исключительно одного себя, слившегося со своей любовью, и ему не было дела до всего остального: только она – его любовь стала смыслом его жизни. Но иногда внутри него, после непростой и мучительной борьбы снова возрождался Воин и брал верх над Любовником, и он, бросив Королеву, по-старому пускался в странствия по миру, где в его отсутствие, зло, неправда и насилие, как прежде, становились главными силами в отношениях между людьми и странами: воздействие Ключа Любви прекращалось, пока его владелец был Любовником. Воин раскаивался и пытался как можно быстрее восстанавливать утраченный порядок, и с каждым разом это становилось всё сложнее и протяжённее по времени. А его возлюбленная, уставала каждый раз утомительно долго ждать возвращения своего любимого, и в тот момент, когда он пришёл к ней в привычном ей образе Любовника, она ласками вывела тайну Ключа Любви, и чтобы он никогда больше не покидал её, выкрала Ключ и спрятала его за Чёрными Горами в своём Королевстве. А без Ключа Воин, оставшись непобедимым, утратил бессмертие, он превратился в обычного смертного: его время пошло, как у всякого человека, возраст вечной юности, в котором он пребывал, скоро сменился зрелостью, а затем, как положено, старостью. Он молил прекрасную Гинору вернуть ему Ключ – не ради себя,

ради людей – - она лишь смеялась в ответ, особенно, если слышала про людей, она не верила, что кроме как для себя, ни один человек не будет радеть и стараться. А когда Любовник стал выглядеть значительно старше своей возлюбленной, она вообще укрылась за Чёрными Горами и навсегда забыла о его существовании. А Великий Воин помнил всегда, что он – - Воин и без усталости, не зная отдыха, продолжал повсюду при помощи Меча поддерживать порядок, ему подчинялись, его боялись, его ненавидели, ибо теперь не любовь стала основой порядка, но страх. Пришло время, и одряхлевший Воин, как простой смертный, умер, и с ним исчез Меч Победы, никто не знал, куда он исчез, многие искали, но тщетно. А прекрасная Гинора ненадолго пережила своего возлюбленного: в Чёрных Горах случилось страшнейшее землетрясение, и горы подверглись почти полному разрушению, Королевство Безвременья погребено под обломками скал, а с ним сгинула и Чёрная Королева. Среди развалин нашли огромный чудовищно разросшийся в размерах Ключ Любви, не потерявший свойства притягивать к обладателю Ключа поклонников. Владелец Ключа может любого, кого пожелает, заставить любить себя, сделать его своим покорным рабом, полностью подчинив его волю и поработив душу. Правда, Ключ, когда-то бывший небольшим, величиной с женскую ладонь сейчас колоссален по своим формам – - его с трудом поднимают шесть здоровенных силачей.

– — Вы произнесли «сейчас»? – - Переспросила Изабель, – - он что, сохранился до наших дней?

– — Конечно. Он в собственности барона Эсхита. Да, и ещё, как принято считать, при помощи Ключа Любви возможно обрести Меч Победы. Только как обрести то, чего нет, не знает никто: Эсхит уже несколько лет хранит Ключ в своём замке, но что делать, дабы найти Меч он не понимает...

– — Эсхит? – - Сказал Александр, – - странный, загадочный барон.

– — Об Эсхите мало что известно, – - добавил второй безымянный молодой человек, – - например, он не отмечен ни в одном списке участников турниров за последние 15 лет, он не числился в составе ни в какой, даже самой малочисленной армии, его никогда не видели участником какого-либо сражения. Он как будто удалился от мира, но отшельником назвать его нельзя: за те годы, что он обладает Ключом, он сколотил небольшой, в сотни три отряд молодых искателей приключений, в основном младших сыновей больших родов, не имеющие прав на наследство и поэтому жаждущих ратной славы. Видимо, они попали под воздействие силы Ключа Любви...

– - Господин Планси, – - раздался слегка осипший голос Изабель, – - вот вам рыцарский подвиг: добудьте Ключ Любви, отнимите его у барона Эсхита. И тогда, благодаря волшебному Ключу, все девушки, какие захотите, станут вашими.

Этьен молчал: нужные и лёгкие слова ускользали от него, как маленькие прозрачные рыбки в быстротекущем ручье, а звучание собственного голоса казалось мучительным и чужим.

– — Господин Планси, – - вступил в разговор Александр, – - ещё не оправился от последствий падения, он пока не совсем хорошо владеет собой.

– — Лошадью Господин Планси владеет ещё хуже, – - сказала Изабель, – - наш доблестный рыцарь в совершенстве изучил лишь одно искусство – - искусство тягостных вздохов.

XI глава.

Старая знакомая – - безлика, как небелёное полотно, бессонница поделила с ним следующую ночь, измученный её назойливым присутствием, он, как только стало светать, сбегал из застойной духоты маленькой комнаты в прохладу утреннего сада. Этьен решил, что сегодня же уедет домой, он уехал бы прямо сейчас, ни с кем не прощаясь, но не мог же он уйти пешком, и ему оставалось только досадовать на себя, что ещё вчера не догадался послать слугу в Планси за лошадью, а брать животное из конюшни негостеприимной хозяйки замка пред-

ставлялось ему постыдным и унижительным, сдаваться, выказывая позорную слабость, недостойную настоящего рыцаря он больше не желал, итак достаточно насмешек и презрения получил от прекрасной маркизы Ротанги. Он установил для себя, что общаться с ней, видеть её, думать о ней он никогда больше не станет.

Этьен, совсем отрешившись от понятия времени, бродил среди старых деревьев, когда ненавязчивая усталость слегка овладела его телом, он понемногу начал успокаиваться. В дальнем конце сада ему попала на глаза уютная беседка, густо заросшая молодым плющом. Он заглянул внутрь – оттуда повеяло сумеречной свежестью, а едва слышимый шелест мелких листочков отдалённо напомнил ему гул роя лесных пчёл, летящего где-то не близко за толстыми стволами деревьев. Он, не ступив даже на порог беседки, обошёл её с обратной стороны – там росли три густых и невысоких куста шиповника: два чуть поодаль друга от друга, как раз совпадая с краями живых стен беседки, а третий – точно посередине между двумя первыми, но не вплотную, а немного на расстоянии, из-за чего за кустами и задней стенкой беседки образовалась крошечная полянка. Этьен, заметил её, глянув поверх листьев, и, сам не понимая зачем, прошёл между кустами сквозь неплотно переплетённые ветви и лёг на невысокую зелёную траву, оказавшись полностью скрытым от взоров тех, кто шёл бы по тропинке мимо беседки. Одни только пролетающие сверху птицы могли видеть лежащего человека с широко раскрытыми глазами.

...Он лежал и смотрел на чистое, без единого клочка или обрывка какого-нибудь одинокого облака, небо, его однородная синева притягивала непостижимой глубиной, хотя Этьен понимал, что дном той бездны, которая есть небо, служит земля, где он – ничтожный и бессмысленный – существует, поглощённый вселенски важными, как ему кажется, заботами. «Вот так бы и лежать тут всю жизнь, – думал он, – погружённый в личный покой, в отрезвляющей тишине. Без движения, без мыслей, без чувств. Ничего не нужно более, всё, что нужно – здесь, в пределах этого маленького кусочка земли. Здесь я – всё».

Но тишину как-то незаметно разбавили сначала отдалённые, а потом более явственные, совершенно ненужные звуки торопливых шагов и женских голосов. Этьен попытался быстро встать и незаметно уйти, или даже, пусть будет это выглядеть смешно, потихоньку уползти, или как-нибудь колдовским образом просто исчезнуть. Но он сразу же понял, что стоит появиться из кустов, как ему просто некуда будет деться, он не сумеет остаться незаметным. А голоса слышались уже совсем близко, словно они говорили не только между собой, но и с ним тоже.

– — Зайдём сюда, – он узнал резковатый, жёсткий, с лёгкой сипловатостью голос Изабель.

Этьен сообразил, что собеседницы зашли в беседку и сели буквально возле него – их разделяла лишь тонкая плетёная перегородка, увитая плющом. «Я подслушиваю?! Надо выйти. Но как? Я же не могу невидимкой пройти по дорожке, в какую бы сторону я не пошёл. А если полезу через заросли кустарника, они услышат шум и выйдут поглядеть, что там шуршит. Они меня узнают и со спины. Смеяться, наверно, потом станут до вечера. А Изабель вообще возненавидит меня. Уничтожит, как нечистое и отвратительное насекомое. Станет думать обо мне как о самом подлом и бесчестном человеке. Лучше бы они скорее ушли. Сами...»

Он так и не придумал, как исчезнуть незаметно, а разговор, видимо начатый ещё по дороге, продолжался с полуслова:

– — Изабель, – Этьен угадал мелодичный голосок Матильды, – он же любит тебя по настоящему. И ты, чего не скроешь, тоже испытываешь к нему чувства. Брось противиться тому, что предназначено тебе природой, это неправильно и жестоко – жестоко по отношению к нему и к себе самой. Зачем вам обоим мучиться неизвестно из-за чего, ведь погубишь любовь?

– — Не произноси таких пустых и глупых слов: чувства, любовь, – рассерженно ответила Изабель, – нет никакой любви. Она – предмет литературы. И всё. В романах, в песнях

и стихах она да, приятна и необходима. В жизни – - любовь лишняя. В жизни нет её. Точнее, не должно быть: мешает только. Мешает казаться нормальным человеком. Мешает просто быть человеком. А не какой-то там женщиной.

– — Неправда! Как может любовь и взаимные чувства кому-то мешать, ведь это естественно, если люди нравятся друг другу? А то, что ты женщина, так это же прекрасно. И не надо злиться, ты же не сможешь изменить свою природу. А каждая женщина, девушка когда-нибудь влюбляются, рано или поздно ты должна была встретить своего мужчину. Вот ты и встретила Этьена... Изабель, ты просто предназначена ему, а он тебе. Признайся хотя бы себе...

– — Признаться? Матильда, ты хочешь признания? Так слушай: да, этот треклятый Этьен Планси словно наваждение. Когда его нет рядом, и нет никакой возможности смотреть на него, я до обмирания души желаю видеть его. Кажется, не появившись он сию минуту, сойду с ума или впаду в чёрную меланхолию. Его образ имеет странную, непонятную власть надо мной. Скажи, это нормально? Я не хочу быть зависимой от каких-то там чувств. Я обязана сама управлять всем тем, что я есть, что на самом деле я представляю себя как человек. Моё противодействие, скорее противодействие не ему, как другому, но тому другому, точнее, той другой, которая сидит во мне и которая мне ненавистна. Она существует как бы помимо моей воли. И я намерена избавиться от неё. Я не желаю быть зависимой ни от кого, даже от самой себя. Всё должно быть подчинено только моей воли и моему разумному желанию. А не каким там природным инстинктам, пусть даже и моим собственным. А значит, этот Этьен никогда и ничего, кроме злой издёвки и язвительной насмешки не услышит от меня.

– — И тебе его не жалко, Изабель?

– — Нисколько. Он имеет необъяснимую власть над всем моим существом и ничего не сделал для того, чтобы эта власть была. Она как бы сама исходит от него. Я ненавижу его, но больше – - себя. За то, что с трудом справляюсь со всем этим. Но ведь как-то надо справляться. Поэтому, я уничтожу его, или он поработит меня. И иного пути я не знаю. Никогда ни один мужчина не станет главной целью моей жизни. И почему, Матильда, он не влюбился в тебя, вы были бы идеальной парой...

– — А я бы не прочь, он такой красавчик...

– — Гусыня ты. Выйдешь замуж, нарожаешь с десятков детишек. Вот и вся твоя судьба и твоё женское счастье.

– — А что здесь дурного, Изабель?

– — Я как представляю себе: большое семейство, куча детей, замкнутый мирок, где всегда одно и то же. Тоска. И почему девушке надо обязательно выходить замуж и во всём зависеть от мужчины? Почему нельзя оставаться навеки свободной и распоряжаться своей судьбой самостоятельно?

– — Родилась бы ты мужчиной...

– — Чего зря говорить. Ладно, довольно сидеть без дела. Пошли: узнаем, как там наш бедный влюблённый...

И через секунду Этьен услышал суетливое шуршание женских платьев и лёгкий стук двух пар каблучков маленьких туфель, быстро удалявшихся в глубину сада. Те несколько долгих минут, что он провёл за кустами, невольно подслушивая разговор, предназначенный совсем не для него, показались ему адски мучительным уроком, полученный им в качестве назидания за проступок, которого не совершал. Он, словно бы невинно приговорённый за чужое преступление, который с болезненной радостью согласился взять всю тяжесть наказания на себя и был готов к самой жестокой каре. С невероятным трудом, будто старый каторжник, он поднялся и, не выйдя, а как-то вывалившись всем телом из-за кустов, пошёл по дорожке, выложенной белым камнем. Иногда он спотыкался, цепляясь ногами за края едва выступавших камней, собственное тело он тащил как навалившуюся непонятно откуда обузу, его лицо, словно раскалённое, горело, и в голове то нарастал, то притихал, накатываясь волнами, шум.

«Я самый ничтожный и жалкий человек на свете, -- думал Этьен, -- обычный подлец. Впрочем, героев, рыцарей много. И нет среди них подлецов. Разве вероятен рыцарь-подлец? Так вот я первый и единственный. Один такой. Можно сказать: неповторимый. Но виноват ли я? Всё произошло случайно, не мог же я знать, что они появятся там. Я хотел одиночества и покоя, а вышло наоборот. Теперь будет ещё больше беспокойства на душе и в мыслях. Но главное: точно и определённо я убедился в том, что она любит меня. Наверное, не напрасно занесло меня за кусты. Случай оказался не случай, а предопределение судьбы. Чтобы я узнал, и стал решительней. Надо бежать и брать эту крепость стремительным натиском. Я рыцарь, я воин. Я мужчина».

Он повеселел и пошёл быстрее и увереннее. А когда он подходил к замку, то почти уже бежал и в малую гостиную не вошёл, а влетел. Там, уединившись в углу на диване, сидел один Александр, осторожно и мягко трогавший струны лютни.

— — Александр, -- вскричал Этьен, -- я знаю наверняка, что Изабель любит меня.

— — Поздравляю... -- сказал Александр. -- И что из сего следует?

— — Пойду, как ты советовал, на штурм этой неприступной крепости, -- ответил Этьен.

— — Как полководец сотысячного войска? -- Добавил с улыбкой Александр.

— — Я буду по-мужски твёрд в словах. Сейчас я понимаю, как надо с ней разговаривать правильно, -- горячо сказал Этьен, отмахнувшись от дружеской иронии Александра, -- и всё будет так, как я пожелаю. Изабель станет моей.

— — Ну что ж, мальчик изгнан мужем. Давно бы так...

— — Прошу, Александр, не называй меня больше мальчиком. Да, ты почти на два года старше и гораздо опытней в любви. Но во всём остальном мы равны. И я, может быть, даже в чём-то превзошёл тебя. Ведь у меня есть единственная, а ты свою пока не нашёл.

— — Я полностью с вами согласен, господин Планси. Удачи на турнире любви!

ХII глава.

...За обедом Этьен старался как можно чаще смотреть на Изабель, ему казалось, что его прямые взгляды полны благородного мужества, он отводил глаза только, если к нему кто-то обращался, чтобы не прослыть невежливым и неучтивым по отношению к прочим участникам застолья. Правда, он не мог определить, как его новое поведение отразилось и повлияло на поведение Изабель -- она всё так же улыбалась, тонко и по делу шутила, её речь оставалась ровной и привычной, а Этьена она как будто и не замечала, словно он был никому ненужной, забытой всеми вещью, занимающее за ненадобностью положенное ей место последние лет сто.

По окончании обеда Александр ловко и ненавязчиво под тем предлогом, что споёт новую, сочинённую им сегодня утром песню увёл Матильду и всех остальных в большую гостиную, и Этьен смог остаться наедине с Изабель.

— — Госпожа Ротанги, -- начал Этьен, -- я обязан с вами объясниться. Вы прекрасно знаете, что я не могу жить без вас. Я люблю вас. Вы тоже, что не секрет, равнодушны ко мне. Изабель, зачем же идти против самой себя, против своих чувств? Мы сведены вместе судьбой, и противиться ей грех. Забудьте всё, что вы напридумывали себе о какой-то мифической свободе. Нет и быть не может никакой свободы ни для кого. Ни для мужчины, ни для женщины. У каждого пола, у каждого отдельного представителя своего пола определённое предназначение. Кто кем рождён, тот тем и должен быть. Женщина не мужчина, а мужчина не женщина. Если они будут меняться положениями, стараться стать не тем, что они есть, рухнет мироздание. Мужчина -- воин, охотник, правитель. Женщина -- хозяйка, хранительница, мать. И никак по иному. Гармония и покой возможны только тогда, когда всё -- предметы, явления, понятия -- находится на своём привычном месте. Изабель, вы потрясающе красивая девушка, и вы созданы для любви. Выпустите своё сердце из искусственно придуманной клетки. Очистите разум от ненужных и вредных идей. Будьте проще, женственнее. Знайте, никто не полю-

бит вас так же сильно и страстно как я. Мы должны быть вместе. Врозь нам уготованы страдание, боль и тягостное одиночество. Почему надо отказываться от счастья, от блаженства? Я настаиваю: покоритесь, откажитесь от всего чуждого и противоестественного. Зачем необходимы сложности там, где без них можно обойтись? Когда дело идёт своим ходом, нет смысла вмешиваться и что-то менять. Не нами запущен тот вечный механизм, и не нам дано заставить его крутиться в обратную сторону. Все расхождения, куда бы они ни были направлены, рано или поздно, сойдутся в общей точке, все противоречия сольются в едином мнении, а от многочисленных заблуждений останется лишь голая истина. Поэтому, сколько бы мы ни отрекались от самих себя, от своей природной сущности, мы всегда возвратимся снова к ней. Изабель, сейчас ничто не мешает нам воплотить то, ради чего мы с вами взаимно созданы. А созданы мы исключительно друг для друга. В общем, говоря просто, идите за меня замуж.

— — Вы закончили? — — Спросила девушка, подавляя зевоту, — — Как вы ловко от пустых, чисто мужских разглагольствований перешли к банальному «идите за меня замуж». Вот, на самом деле, истинная цель всей вашей псевдофилософии. Не думала, что вы так изощрены, какие тонкости подметили, а поначалу выставились этаким простаком. Заявили бы сразу «идите, глупая женщина, замуж» и знайте своё место. Так знайте, неуважаемый господин Планси, я вас не люблю... Впрочем, какая разница: «люблю — — не люблю»? Я в любом случае никогда не выйду за вас замуж! Пусть мне будет плохо, я готова и страдать и мучиться, но вместе мы не будем ни за что. Чтобы я превратилась в вашу невольницу? Как вы сказали, очистите разум от вредных идей, а может, благодаря только тем идеям я и живу. Как вы собираетесь брать в спутники жизни (как это смешно звучит!) человека, которого не понимаете и даже не удосуживаетесь воспринимать его идеи и считаться с его жизненной позицией. Я безразлична вам как личность, вам нужно лишь одно моё тело. Так вот запомните, теперь, после всего, что вы тут наговорили, я вас ненавижу, как законченного негодяя и подлеца. Убирайтесь из моего дома навеки и никогда впредь и близко здесь не появляйтесь! Я имени вашего убогого слышать не хочу.

Она умолкла и, не поворачиваясь, стала отступать к дверям, глядя Этьену прямо в глаза. Ему показалось, что уходя отсюда, она желала здесь остаться, и скажи он какие-то правильные, нужные слова, и она никуда не уйдёт, а наоборот, бросится в его объятия, но он не знал таких слов, любое слово, произнесённое сейчас, думал он, пойдёт во вред, настроит девушку против него ещё сильнее. Этьен стоял неподвижно, как копьё, торчащее из трупа павшего в битве воина, он совсем не чувствовал своего тела, у него осталась лишь одинокая душа, безмолвно кричавшая словно лебедь, потерявший подругу. А Изабель уходила: она дошла до стены, коснулась её плечом, развернулась, ухватилась судорожным движением за ручку двери, распахнула её и, выходя из комнаты, снова оглянулась на Этьена. И он не разобрал, что было больше в её взгляде — — любви, ненависти или простого презрения.

Он, наверное, так бы простоял, не двигаясь, как загипсованный, на одном месте до смерти, если бы кто-то не тронул его за плечо:

— — Едем домой, — — Этьен сквозь какое-то плотное марево услышал голос Александра, — — мы тут лишние, лошадь уже прислали.

Этьен обернулся и виновато, совсем по-детски улыбнувшись, чуть качнул головой. Александр аккуратно взял его за руку и повёл, словно незрячего, к выходу, Этьен едва перемещал вдруг одеревеневшие ноги, он и не заметил, как друг вывел его из комнаты, как они с трудом спустились с лестницы, как вышли из дворца во двор. Он опомнился лишь тогда, когда к нему подвели новую, незнакомую лошадь, фыркнувшую ему прямо в лицо, он отпрянул, но тут же твёрдо ухватился за поводья и силой удержал животное на месте. «Всё кончено. — — Думал он. — — С прежним кончено. Я — — рыцарь. Теперь — — только рыцарь. И больше никто». И он как опытный всадник одним движением запрыгнул в седло и направил лошадь сразу к воротам, давно

распахнутые по приказу маркизы. Александр поскакал следом и, нагнав на дороге Этьена, пристроился рядом. Но ничего не стал говорить, и весь путь до дома они проехали молча.

ХIII глава.

Наутро вернулся от короля отец, и они втроём встретились за завтраком. Граф что-то рассказывал, отвечая на вопросы Александра, а Этьен хоть и слушал внимательно, но разговор не поддерживал. Граф поведал о том, что государь вызывал для того, чтобы предупредить его и всех наиболее влиятельных пэров – - король собрал всю элиту страны – - о некоем Эсхите, который, будучи мелким второразрядным бароном, сколотил вокруг себя маленькую армию, и, попирая все законы рыцарства, занялся не просто обыкновенным разбоем, как это бывало в давние времена, а чем-то вроде завоеваний чужих земель. Он делает набеги, точно дикий кочевник, на соседние владения, захватывает их и объявляет себя без всяких на то оснований их правителем, присоединив к своему небольшому лену. Пока эти обстоятельства касаются отдельных северных государств, и события ещё достаточно далеко от нас, но кто знает, какие планы у этого Эсхита, и, главное, непонятно почему к заурядному, крайне ничтожному и до недавнего времени совершенно неизвестному барону идут в таком количестве разные отщепенцы. Его войско растёт буквально из ничего, словно пена над пинтовой кружкой эля.

– — Ключ Любви, – - неожиданно громко произнёс Этьен.

– — Не понял... – - сказал отец, – - ты о чём?

– — Эсхит завладел Ключом Любви, – - ответил сын, – - сила Ключа и притягивает к нему новых людей.

– — Этьен, – - улыбнулся отец, – - ну зачем тут нам детские сказочки...

Этьен ничего не ответил, но после паузы, вдруг сказал:

– — Отец, я решил стать странствующим рыцарем.

– — Ты серьёзно? – - Удивился граф, – - так в один момент и совсем неожиданно?

– — Да, серьёзно. И у меня нет иного выбора.

– — Но должна же быть причина, – - сказал граф, – - в странствующие рыцари просто так не идут. И вообще, в странствующие рыцари давно уже не идут: это деяния далёкого и легендарного прошлого.

– — Причина существует, – - ответил Этьен, – - но я не могу говорить о ней... Слишком личное.

– — Этьен, извини, но то, что ты надумал, грубо говоря, ребячество, а ты вроде вышел из детского возраста, – - строго сказал отец, – - нет и не может быть ни причины, ни повода, чтобы в одну секунду сорваться с места, забыв об обязательствах и долге. Мы люди свободные, но принадлежим не себе, существует вещи и обстоятельства, с которыми мы должны согласовывать свою волю и ради которых вынуждены ограничивать свою свободу. Такова жизнь, и мы все не персонажи вымышленной истории, а реальные люди, и здесь не рыцарский роман, а действительность. А о причине я могу догадаться и сам: всегда, о чём повествует любое предание, рыцарь отправлялся в странствия из неразделённой любви. Кто она, мальчик мой?

– — Я бы не хотел произносить её имя, – - пробормотал Этьен, отвернувшись к стене.

– — А я, наверное, знаю, Изабель Ротанги? – - Сказал граф и глянул на Александра, тот едва заметно кивнул, – - но ты по полному праву первый претендент на её руку: я ж опекун. И как не родному сыну опекуна стать женихом его подопечной?

– — Она ненавидит меня. Да и вовсе не желает быть чьей-то женой. Она хочет оставаться свободной.

– — Да, я помню, нрав у неё достаточно своеобразный, можно определить его как несколько жёсткий, – - согласился отец, – - есть в ней, как ни удивительно это звучит, некая мужественность. Странно: молоденькая девушка, почти ещё девочка и такие замашки...

— — Как бы там ни было, отец, но я отправляюсь странствовать, — произнёс Этьен глядя графу прямо в глаза, — таково моё последнее слово. Меня не удержать: я такой же рыцарь как все, обладаю теми же правами, как каждый рыцарь, а в законе о рыцарстве чётко записано, что любой совершеннолетний, посвящённый в рыцарское достоинство имеет право странствовать ради стяжания славы себе и своему роду, а также ради возвеличивания имени той, которую он изберёт себе в дамы сердца. И никто закон не отменял.

— — Хорошо, мой сын господин Планси, — с оттенками гордости в голосе сказал граф Деблак, — пусть будет по-твоему. Я не имею возможности тебе запретить ехать, да и не хочу. Так тому и быть.

— — Этьен, — вмешался в разговор Александр, — сейчас ты меняешь совершенно не только жизнь, но и свои взаимоотношения с высшими сферами: теперь не судьба будет зависеть от тебя, а ты полностью от судьбы, твоя личная воля окажется в подчинении воли случая, отныне все твои действия равнозначны роковым деяниям.

— — Я избрал свою судьбу, и пусть она делает со мной всё что угодно. Я ко всему готов. — Серьёзно ответил Этьен. — Меня ждёт путь. А на пути я стану избегать изъезженных дорог. Я выберу для своих странствий глухие места, дремучие, как предание о Великом Воине, леса, малопрístupные горы и безлюдные пустыни. А когда с кем-то из рыцарского сословия повстречаюсь на дороге, то вступлю с ним в честный поединок. И с каждого побеждённого мной — конечно, если я окажусь сильнее — возьму обет, что тот прибудет в замок Ротанги, явится к ней и скажет, что рыцарь, безжалостно ею отвергнутый, никогда не забудет её и все свои подвиги он совершает ради своей любви к ней. Назад я никогда не вернусь, мои странствования прекратит одна только смерть.

— — Когда ты намерен выступить? — Спросил негромко отец.

— — Завтра, как только взойдёт солнце, — ответил сын.

Этьен встал из-за стола и пошёл к себе, пожелав скоротать благодатным одиночеством последние часы перед отъездом. В своей комнате он ни чем не занимался, даже особо ни о чём не думал, и он не заметил, как очутился возле зеркала прямо перед своим отражением. Он поднял правую руку и сжал её в кулак, потом быстро разжал и прикоснулся тыльной стороной пальцев к своей щеке, ощутив какая у него нежная кожа — Этьен ещё никогда не брился.

— — Несчастный я, — вслух сказал он, — у иных борода начинает расти в 16 лет, а у меня до сих пор лишь жалкий пушок над верхней губой. Волосы длинные, светлые, мягкие. Изабель права, я словно девушка.

Он отыскал старые ножницы в ящике дедовского шкафа и, терпеливо, стоя твёрдо, как бдительный стражник у ворот, прямо напротив большого зеркала, медленно, не прерываясь, пока полностью не закончил, где только смог достать и насколько получилось коротко, обрезаю все волосы вокруг головы — сзади и спереди.

XIV глава.

С восходом уже по-осеннему вальяжного солнца Этьен и Александр, чуть задержавшись, пережидая пока опустят откидной мост замка Планси, выехали на дорогу.

— — Друг мой, — хрипло сказал плохо выспавшийся Александр, — ты едешь один, без оруженосца, взял бы с собой какого-нибудь мальчишку, нельзя ж совсем вот так без спутника...

— — Нет. — Сказал Этьен, — мне не нужен никто. Одиночество как спасение.

— — Кто тогда узнает о твоих подвигах, — без выражения сказал Александр, — один, без свидетелей... и герб зачем-то закрыл...

Этьен приказал обтянуть свой щит чёрным бархатом, спрятав за ним пурпурную розу на бледно-жёлтом поле — герб рода Планси, а характерный жёлтый с красной полосой плащ заменил на траурно-чёрный, попона на коне также переменяла свой привычный яркий цвет на цвет безлунной южной ночи.

Когда всадники отделились на достаточно далёкое расстояние от замка, и он уже почти скрылся за краем леса, Александр, на ходу развернув коня, посмотрел назад.

— Этьен, — - крикнул он, — - хоть оглянись на прощание.

Этьен в ответ, не оборачиваясь, лишь ускорил бег коня.

— Друг мой, что с тобой, — - нагнав его, сказал Александр, — - это же твой родной дом, куда ты вроде бы не собираешься возвращаться, и ты должен увидеть его в последний раз, прежде чем он спрячется из виду. Что произошло, почему одно единственное, пусть и самое высокое чувство, выдавило всё остальное из твоего сердца? Неужели дом, где ты вырос и прожил большую часть жизни совсем не дорог тебе?

— Нет...

— Видно, ты очерствел душой ко всему из-за этой своей длинноносой... — - без иронии пробормотал Александр.

— Замолчи! А то первый, с кем я вступлю в бой, будешь ты. И поверь, пощады ты не дождёшься.

— Прости, — - почти шёпотом сказал Александр, — - но ведь больно от того, что единственный близкий и по-настоящему дорогой мне человек страдает. Этьен, кроме тебя, я никого так не любил, ты для меня больше чем друг, роднее, чем брат. Знаешь, я имею целых шесть старших братьев, я самый младший в семье, но почти все мои братья, которых я не вижу годами, давно как чужие, они угрюмы, грубы, неприветливы, никогда не услышишь от них искреннего смеха, всегда лишь злорадные смешки, если кому-то в чём-то не повезло или ему хуже, нежели им. Жеан, самый старший брат, а значит единственный по праву рождения наследник герцогства, являет из себя законченное олицетворение ненависти, а ненавидит он в основном своих младших братьев, его манией, его навязчивой идеей стало то, что будто младшие завидуют ему, жаждут извести его каким-либо коварным способом, ради немалого наследства и ради звонкого титула, тем более что он не женат и не имеет сына, а жениться он не желает из-за того, чтобы не испытать лишних трат. Его единственная страсть — - накопление богатств, смысл его жизни — - сберечь и сохранить их, он никого не любит, друзей не заводит, от родственников — - близких и, тем паче, дальних — - отказался; деньги, золото заменили ему всё. Он живёт, точнее, прозябает в своём обособленном мире, ни с кем не знает, в рыцарских турнирах не участвует, от войн шарахается как от напасти, сидит в родовом замке с небольшим гарнизоном слуг и радуется тому, насколько он богат. А ведь он, после гибели отца, его почти мне заменил — - Жеан на 15 лет старше меня — - я с 12-ти лет, единственный из всех братьев, жил с ним в замке: он — - как унаследовавший титул и земли, а я как несовершеннолетний. Но стоило исполниться мне 14, как он сбегал меня в качестве пажа одному рыцарю, и я, как теперь понимаю, навеки оставил родной дом... Этьен, потерять тебя — - настоящая беда для меня. Я бездомен, одинок, честно говоря, беден: всё, что со мной и на мне, всё моё имущество. Ты скажешь, иди и найди себе могущественного и влиятельного сеньора и служи ему или, поступив в королевское войско, ищи славы на поле битвы, отличись небывалыми подвигами, заслужи себе почёт, титул и земли. Да, я прошёл через королевскую службу, я участвовал в сражениях, проливал чужую кровь, убивал себе подобных... Но зачем, чем они хуже меня, они такие же, как я, они, можно сказать, это я? Я ненавижу войну, насилие, кровь, мучения, я слишком люблю жизнь, я не умею и не хочу учиться ненавидеть человека. Всё что связано с оружием, с войной, с рыцарскими турнирами мне кажется глупостью, тогда на турнире я пришёл к тебе потому, что испытал ужасный стыд из-за того, что причинил боль другому и заставил его страдать. Мне скажут, мол, не по-мужски, не по-рыцарски надо уметь биться достойно и убивать с осознанием исполненных обязательств, но я, скорее, готов быть убитым, чем убивать самому. Конечно, вы все правы, весь мир прав, я не спорю, я соглашаюсь, но жить желаю по своим законам, я люблю людей, люблю женщин, люблю, как, ни смешно, хорошо поесть и в меру выпить, люблю, наконец, свободу и волю, люблю мир, каков он есть. Так почему я

обязан загонять себя, свою душу в тесные доспех вражды к таким же, как и я и всего лишь ради клочка земли, титула, денег и этой вашей славы?

...Потом они долго ехали молча, и, наконец, дорога привела их к перепутью, где расходилась в три разные стороны: первая уходила на северо-восток, вторая шла прямо на восток, а третья – почти точно на запад.

– — Тебе, Этьен, видимо направо, – сказал Александр, – на северо-восток, там ведь густые леса и высокие горы. А я поеду по западной, назад в столицу, вернусь к королю, ибо такова моя участь.

– — Хорошо, прощай, – сказал Этьен упавшим голосом, – никогда мы больше не встретимся. Замки, города, вообще скопления людей я – Отвергнутый Рыцарь, теперь таково моё имя – буду обходить стороной. Тебя же в лесу, в горах и прочих безлюдных местах не найдёшь. Так что, прощаемся навсегда...

– — Не говори так, – вскричал Александр, – мы, клянусь жизнью, непременно увидимся, когда-нибудь обязательно, может быть не скоро, но встретимся, и если это не так, то пусть будет проклят этот мир!

Александр повернул коня и стремительно, словно кого-то догоняя, поскакал по своей дороге, Этьен, улыбнувшись краешком губ, поехал по своей...

2 часть.

XV глава.

...Шёл пятый день странствий Этьена Планси Отвергнутого Рыцаря, за всё это время никто не преградил ему дорогу, никто не прервал его путь, он наслаждался тихим одиночеством и молчаливым покоем – только несильный ветер и птичьи голоса напоминали ему, что мир существует. Сейчас он пересекал негустой молодой лесок по довольно широкой тропе, видимо, проезжающие всадники были здесь не редкость. Он весь, как маленький зверёк в норку, ушёл в себя, ничто внешнее не воспринималось им, наружное ощущалось как пустота – чужая и бессмысленная: всё его находилось внутри него. Этьен и не заметил, как впереди прямо ему навстречу выскочила длинная процессия всадников, он остановился, едва не столкнувшись с первым, только тогда, когда дальше двигаться стало уже невозможно.

– — Похоже, молодой человек вспоминает прелести оставленной им красоты, – крикнул кто-то из толпы рыцарей, – совсем не видит, кто перед ним.

И все весело, без злобы засмеялись.

А тот, что стоял лицом к лицу с Отвергнутым Рыцарем, не смеялся, он просто, с выражением невозмутимости и недостижимого достоинства на лице, молча ждал, пока встречный отъедет в сторону и даст дорогу. Этьен сразу узнал его – непобедимый барон Трофинт Рыцарь Белого Вепря.

«Вот и первая моя стычка, – подумал Этьен, – возможно последняя... Какой противник! Но именно этого мне и надо. Чем быстрее всё кончится, тем будет лучше...»

– — Господин Трофинт, – обратился юноша к знаменитому воину, – я вызываю вас на честный поединок.

– — Молодой человек, – сказал пожилой седоусый рыцарь, один из спутников Рыцаря Белого Вепря, – вы хотя бы подумали, что сейчас произнесли, вы, как видно, прекрасно понимаете, кого вызываете на бой, так чего же добиваетесь, сомнительной славы, что были биты бароном Трофинтом?

Этьен и не слышал, что ему говорили, он повторил слова вызова.

– — Я вижу, господин безымянный рыцарь, что вы храбрый и достойный соперник, – негромко, но очень внятно произнёс Рыцарь Вепря, – но я не стану с вами биться, ибо не по-рыцарски сражаться с тем, кто заведомо слабее. Вы слишком, по вам видно, неопытны,

неразумны и горячи. Я вас не знаю, вас никто не знает, ваш щит без герба, а в честном, как вы сказали, поединке неизвестных быть не может. Вам, если такая охота подражаться, необходимо выбрать кого-нибудь из молодёжи и сойтись с ним. Что будет справедливо.

— Вы, барон Трофинт, трус и болтун, — вскричал в ярости Отвергнутый Рыцарь, — вся ваша так называемая слава — миф. Вы испугались, что вас может победить какой-то мальчишка. Что, стареете и вам страшно потерять звание непобедимого?

— Да вы, юноша, глупец и наглец, — изумился барон, — потерять славу непобедимого, конечно, неприятно, и когда-нибудь оно должно случиться: ничто не вечно, я всегда готов к тому, что появится тот, кто победит меня, но вот трусом я никогда не звался и никому в голову не приходило считать меня таковым: я не отказывался ни от одного сражения, не уходил ни от одного поединка. Хорошо, если вам угодно, я принимаю ваш игрушечный вызов. И знайте, поблажки вам не дам, всё должно идти по-взрослому.

— Проучи юнца, — посоветовал кто-то из окружения барона, — переломай ему кости.

— Нет, калечить нельзя, — говорил второй, — просто наказать, как щенка, ткнуть мордочкой в песок, чтобы не гадил.

Этьен, сверкнув глазами, развернул коня, неистовый ледяной огонь сжигал его кололотившееся сердце, он отъехал на необходимое расстояние, выставил вперёд копьё и бросился во весь опор на противника. Молодой воин нёсся с такой скоростью, что всем почудилось, будто какой-то тёмный вихрь летел перед глазами, и из чего он состоит, никто не мог понять, словно то был не всадник на коне, а необъяснимое явление природы. И Отвергнутый Рыцарь на всём скаку подлетел вплотную к Рыцарю Белого Вепря и ударил его в грудь возле щита, из-за чего он стал валиться назад, потащив за собой, пробившее плотные доспехи, копьё Этьена, не выпустившего своего оружия из рук, и копьё сломалось под тяжёлым весом Трофинта, где-то ближе к острию, оставшись торчать коротким обломком из груди барона, падавшего на землю так долго, что его соперник успел соскучиться от того, что огромное, грузное тело сначала зависло, а потом, словно невесомая кисея, не спеша опустилось на землю.

А Этьен успел удивиться тому, как его противник невыносимо медленно делает все движения: его конь едва переставлял ноги и почти не сошёл со своего места, его хозяин вроде как забыл, что надо закрываться щитом и опускал свой щит так неторопливо, что под ним успела бы пролететь стайка лесных соек, а копьё, как виделось Этьену, вообще, не дойдя до нужной точки, зависло где-то на полпути к своему боевому положению.

Отвергнутый Рыцарь осадил коня, моментально замершего, будто тот упёрся в невидимое ограждение, и два потока разнотекущего времени слились в единый поток: ускоренный бег мгновений Этьена замедлился и снова стал совпадать с общим ходом, вернулось прежнее восприятие действительности, и ему показалось это настолько естественным, что, кроме равнодушного покоя, он ничего не ощущал.

Потрясённые и оцепеневшие, словно истуканы, рыцари, онемев, смотрели, как на что-то дикое и необъяснимое, на поверженного Трофинта: непобедимый оказался впервые выбитым из седла, он лежал навзничь, его огромное туловище возвышалось подобно горе, на вершине которой торчал короткий конец копья, остриём почти полностью исчезнувший в толщи исполинского нагрудника.

Этьен быстро спешил и подбежал к лежащему на земле Рыцарю Вепря.

— Что же вы замерли? Помогите, — крикнул он спутникам барона, застывшим, как мухи в смоле.

Те в секунду опомнились, подбежали и, приподняв могучее тело барона, помогли снять шлем и рассоединить кожаные ремни, державшие нагрудник, а когда нагрудник убрали, то с ним отошёл и обломанный наконечник копья, и все увидели, что остриё, пробив железо, застряло и увязло в кольчуге, надетой под толстой многослойной сталью нагрудника поверх белой сорочки, ставшей яркой красной от струившейся крови, но рана оказалась несерьёзной,

копье вошло в плоть только самым малым кончиком, проткнув и повредив одну лишь кожу. Трофинт находился в сознании – - просто он какое-то время был оглушён падением – - он открыл глаза с сильно расширенными зрачками и сказал:

– — Вы, юноша, гений поединка, будь ваше копье крепче, вы бы убили меня, проткнув насквозь, точно дикого кабана, – - барон изобразил подобие улыбки и, повернувшись к своим спутникам, сказал, – - рыцарь остался без оружия, оруженосец, отдай ему моё Чёрное Копье, оно никогда не подведёт, никогда не треснет и не сломается, оно расколется любой, самый толстый щит, а само останется целым. В мире существует только один щит, который неспособно пробить Чёрное Копье – - Зелёный Щит. И Копье, и Щит сделаны из древесины заколдованного дуба, и поэтому их невозможно никак повредить. Но Щит принадлежал моему младшему брату – - Рыцарю Золотого Дракона, а брат пропал неизвестно где три года назад, поэтому Чёрное Копье, если им владеет умелый и сильный воин, поистине сокрушительное оружие. А вы, юноша, доказали, что являетесь настоящим бойцом, вам и владеть Копьём.

– — Но я не хотел бы, чтобы моё рыцарское умение зависело от какого-то волшебного оружия, – - возразил Этьен.

– — Рыцарское умение, молодой человек, зависит только от вас, – - сердито ответил Трофинт, – - вы также можете проиграть и с Чёрным Копьём, ведь победа достигается не какими-то там необыкновенными особенностями оружия, а способностью воина умело им распоряжаться. Просто Копье имеет свойство никогда не ломаться, а уж что вы будете делать, чтобы оно помогало вам, есть вопрос владения вами воинским искусством. Так что берите Копье, оно ваше, тем паче я поклялся, отдать его тому, кто победит меня. И вот этот день настал.

– — Благодарю, господин барон.

– — Был только один рыцарь, из-за которого, не я, но мой ослабевший конь вместе со мной оказался на земле, – - сказал Рыцарь Белого Вепря, – - впрочем, лошадь того воина тоже не вынесла моего удара, свалившись с ног. Никто из нас не смог назваться первым: таким как мы необходимы более сильные и стойкие кони. Но этот юнец легко и играючи вынес меня из седла, словно я тупая тряпичная кукла. Господин неизвестный рыцарь, – - обратился Трофинт к Этьену, – - назовите своё имя, мир обязан знать героя.

– — Нет, имени своего не назову, – - усмехнувшись, сказал Этьен, – - я дал зарок никогда его не называть. Нет у меня имени, я забыл его. Запомните меня как Отвергнутого Рыцаря.

И он, дав шпоры коню, вихрем сорвался с места и стрелой, выпущенной из арбалета, проскакал мимо расступившихся потрясённых рыцарей. Только столб пыли остался им.

XVI глава.

Всё шло привычным порядком: минула расторопная осень, лениво подошла несуетливая зима. А Этьен, онемевший душой, ничего не замечал, он продолжал бродить по безлюдным местам, оживая лишь тогда, когда изредка какой-нибудь одинокий странствующий рыцарь преграждал ему дорогу. Кто-то из двоих – - Этьен никогда не помнил кто – - непременно вызывал другого на поединок, они начинали биться, и Отвергнутый Рыцарь неизменно побеждал. И Этьена уже не удивляло, что во время боя его время текло гораздо быстрее, нежели время его противника, поэтому противник никогда не успевал понять, что случилось, и почему он мгновенно оказывался выбитым из седла, ведь он ещё толком не смог разогнать коня и опустить копье. Сила любви Отвергнутого Рыцаря была настолько велика, что в моменты, когда воля оказывалась на крайнем пределе, он начинал существовать в каком-то своём сгущенном и сжатом времени, где всё происходящее виделось ему разложенным на долгие, невероятно растянутые мгновения, каждое из которых он мог рассмотреть во всех подробностях и выбрать из них самое подходящее и удобное для решающего действия. Поэтому, почувствовать рвотный вкус поражения Этьену было не дано. Он повергал всех: и тех, кто странствовал по свету, как и он из-за неразделённой любви, но их любовь, видимо, оказывалась не достаточно силь-

ной, и тех, кто возжаждал испробовать пьянящий напиток славы и хотел свершать бесчисленные подвиги, чтобы всюду звучали их имена, и тех, кто просто бродил по миру в поисках приключений, не зная особой цели, не умеющие сидеть на одном месте и не желавшие кому-либо служить.

Со всех тех, кого победил, Отвергнутый Рыцарь брал клятву, что признавая своё поражение, они, следуя рыцарскому закону, немедленно отправятся в замок Ротанги, где став на колени перед маркизой, скажут, что Изабель Ротанги самая прекрасная дама во всём целом свете, и рыцарь, так бессердечно ею отвергнутый, никогда не забудет её.

Боль Этьена не проходила, с каждым днём тиски печали сдавливали его сердце всё плотнее и жёстче, непроходящая тоска росла, она заполняла, как он чувствовал, уже всю его плоть и всю душу, он страдал от того, что живой, что никто не может победить и убить его, и то мучение, которым являлась его бессмысленная жизнь, продолжается и никак не кончается. А действовать против правил, сознательно уступить и поддаться он не мог, иначе опозорил бы само звание «рыцарь», да и в сам момент боя к нему приходило такое необычайное воодушевление, его дух поднимался до каких-то нечеловеческих высот, что чувствовал, что только в минуту схватки он истинно жив и не как бессмысленный, набитый внутренностями организм, но как человек.

...Этьен никогда не задумывался куда ехать, какое избрать направление, всё складывалось и выходило само. Он не заметил, как очутился в густом, труднопроходимом из-за зарослей кустарника, очень старом, судя по толстым стволам высоких деревьев, лесу, копыта коня бесшумно погружались в свежевывающий снег, было так тихо, что, казалось, будто мир забыл о существовании этих мест: ветер заблудился где-то за дальними горами, птицы и звери тут гостили редко, деревья не трещали, как при морозе, так как настоящий мороз пока не пришёл. И скоро заросли стали невозможно плотные, рыцарский конь остановился – идти дальше было некуда. Этьен сидел в седле, не шевельнувшись: он слушал тишину, ему не хотелось ни двигаться, ни глядеть на что-то, ни даже о чём-то думать. И когда совсем близко откуда-то сбоку неожиданно раздался резкий, громкий и неприятный звук, Этьен в первую секунду решил, что бредит. Но нет звук, точнее отвратительный и явно человеческий вопль продолжал отчётливо доноситься где-то рядом, всадник повернул коня в ту сторону и буквально в четырёх шагах он обнаружил небольшую круглую яму, на дне которой лежал на спине и орал пронзительным голосом маленький, нелепый какой-то игрушечный человечек. Этьен впервые за многие месяцы улыбнулся – настолько несуразно неправдоподобным казался человечек в яме, будто он орал не из-за того, что ему было плохо, а для того чтобы развлечь и потешить отсутствующую публику и это у него великолепно получалось. Но, увидев появившегося вдруг единственного зрителя, он замолчал, вскочил на ноги и, вытянув крошечные ручки вверх, быстро-быстро заговорил:

– — Добрый, милосердный странник, помогите несчастному, попавшему в ужасную беду, тридцать третий день сижу здесь, почти сошёл с ума, оголодал, отошал, питался одними жухлыми листьями и жёсткими ветками, пил дождевую воду, от крика и стонаний голос совсем потерял, надежда оставила меня, улетев в недостижимое небо, только тонюсенькая ниточка, за которую ещё уповаю ухватиться, мелькает где-то между хмурых туч небытия, и вот появились вы, тот, кто должен помочь мне дотянуться до этой ниточки, дабы я спас своё жалкое тело от смерти и тления.

Но рыцаря не надо было просить, он одним махом спешился, не мешкая, отыскал длинный ствол сухого дерева и опустил его утолщённой стороной в яму, и её незадачливый пленник ловко переставляя руки и ноги, расторопно, как вёрткое насекомое, хватаясь за обломки сучьев по стволу, вылез из своей западни. «Странно, – - мелькнуло в голове Этьена, – - больше месяца просидел в яме и не запачкался, чистенький, как именинник». А человек, став в выра-

зительную артистическую позу и беспрерывно меняя гримаски на лице, снова быстро, словно в нём стремительно раскручивалась пружина, затараторил:

— Позвольте, уважаемый господин рыцарь выразить вам наиглубочайшую благодарность, — человек согнулся, изображая поклон, и Этьену показалось в этот момент, что у его стоп скукожился то ли барсук, то ли енот, — знайте, сегодня великий день, — маленький человек аж подпрыгнул, — вы спасли не просто какого-то там человека, но, говоря без преувеличений, великого человека. Я Кых Наиумнейший! — Он склонил головёнку влево и из-под лобья косо зыркнул на Этьена, растянув тонкие синюшные губы в нагловатую улыбочку, — вы свершили величайший подвиг, вы спасли от гибели единственного человека на всей земле, который знает всё, буквально, вы не ослышались, я знаю всё, вернее, всё то, что когда-то было открыто, познано и изобретено человечеством и написано об этом в книгах. Впрочем, я заболтался, — он хлопнул себя по шишковатой лысинке, — ведь скоро ночь, позвольте пригласить вас в моё скромное и небогатое жилище, но поверьте, там так приятно и уютно... Солнце заходит, и сейчас в лесу станет так темно, что кончика собственного носа не разглядишь, — и Кых Наиумнейший коснулся кончика своего уморительно длинного носа.

«Действительно, — подумал Этьен, — не мудрено бояться не разглядеть такую спицу, у цапли клюв короче...»

Он согласился — отказать было бы неправильно, раз спас человека, надо дать возможность ему как-то отблагодарить своего спасителя, да и Этьен давно не ночевал под крышей дома, ему вдруг захотелось поспать нормально, в удобной постели. Наиумнейший обрадовался ответу и состроил такую немислимую рожу, обозначающую непомерную радость, что Этьен откровенно и беззлобно расхохотался.

XVII глава.

Он пустил коня идти свободным шагом, спешить не было смысла, впереди бежал счастливый, как впервые влюбившийся подросток, Кых и показывал, куда следует ехать. Этьен с весёлым недоумением разглядывал этого фантастически несуразного человека, у которого при младенчески малом росте, была несоответствующее великая для такого тщедушного тела совершенно лысая голова, необыкновенно вытянутая, поразительно напоминавшая бледный кабачок, с приделанными словно наспех, плотно прижатыми к черепу кривыми ушами, оканчивающихся длинными тряпочками мочек, дрожавших при каждом его движении. Плечи, локти, колени, пятки Наимудрейшего — всё представляло острые углы, и когда он шёл, то не шагал, как все обычные люди, а как бы танцевал, с определённым ритмом размахивая руками-прутиками и выбрасывая немного в сторону и одновременно перед собой худые, как тельце проводника, ноги.

— Вот мы и пришли! — Визгливо закричал радостный Кых, подбегая к небольшому домику, идеально втиснутому между вековых стволов, без труда открыв тяжёлую железную дверь — она и не скрипнула — он пригласил своего гостя войти, пропуская его вперёд.

Переступив высокий порог, через который маленькому человечку пришлось перепрыгивать, Этьен очутился в неожиданно большой почти пустой комнате — лишь в её центре стояло грубо сделанное, с толстыми ножками и прямой спинкой кресло, обтянутое чёрной кожей.

— Нам не сюда! — Сказал хозяин дома, снова в его голосе стреканула, как коростель, нескрываемо откровенная радость, — пока рано сюда, — почему рано, он не объяснил.

Кых открыл дверь, ведущую в другую комнату, они вошли — там находилось всё, что необходимо для нормального жилища: кровать, стол, стулья, шкафы и большой, с весело горящим огнём, камин. На столе дымился только что приготовленный ужин.

— Вы живёте не один? — Спросил гость, — У вас имеется прислуга?

— Нет, что вы, — ответил хозяин, вытянув вперёд тонкие верёвочки губ наподобие кувшинного горлышка — кто согласиться жить в такой глуши, да и не нужен мне никто, я сам со всем хорошо справляюсь.

— А кто же тогда приготовил ужин, если вы сидели тридцать дней в яме и не показывались домой?

— Скоро, очень скоро всё узнаете, — вскричал Кых, вскинув узкую ладошку над своим острым темечком, — а сейчас прошу к столу, отведайте: вот нежное, как щёчки отроковицы, жаркое из молоденькой оленины, и выпейте моего чудесного вина, уверяю, такого вы никогда не пили прежде, и в будущем никогда не придётся пить.

И он налил вина себе и гостю и первым выпил свой бокал, Этьен тоже отпил пару глотков и, изумлённый непередаваемо чудесным вкусом напитка, быстро допил всё до дна. После они одновременно приступили к жаркому, и Этьен вдруг почувствовал, что еда, о которой раньше никогда не думал и обычно не замечал, что ест, может делать человека, пусть всего на несколько минут, но счастливым. «Что за магия, как и заурядной оленины, — думал он, — можно сотворить такое?»

...Стоило бесподобному ужину закончиться, как хозяин предложил гостю пройтись по дому и как следует всё осмотреть. Они вышли из маленькой комнаты и, пройдя через небольшую низкую дверцу — Этьену пришлось даже наклониться — попали в долгий коридор, который был освещён непонятно как: по стенам не висело ни факелов, ни свечей, ни масляных светильников, а свет, исходил как будто от самих стен, своей протяжённостью уходящих, как казалось, в бесконечность. Этьен всмотрелся в убегающую даль коридора, туда, где белые стены, беспрерывно дясь, смыкались и исчезали, растворяясь в неизвестности, и не увидел предела, до которого можно было дотянуться взглядом.

Кых водил гостя по бесчисленным залам, комнатам, каморкам, чуланам и закуткам, показывая и демонстрируя разные непонятные и неинтересные приборы для каких-то умных опытов, механические устройства, работающие от завода и без него, коллекцию всевозможных весов и коллекцию самых обычных и самых невероятных часов, боевое оружие и орудия труда всех эпох и народов. Наимудрейший постоянно перебегал от одного предмета к другому, не умолкая, он рассказывал об истории, растолковывал значения, пояснял особенности и объяснял основы вещей и сопутствующих им явлений. Он не задумываясь, начинал говорить обо всём на свете: не существовало ничего в материальном мире или духовной сфере, чего бы он не знал. А когда они вошли в библиотеку, Наимнейший превратился просто в одержимого.

— Здесь, в моей безразмерной библиотеке собраны все напечатанные и рукописные книги, все свитки (священные и обычные), все глиняные таблички, — заявил Кых, — словом, собрано всё, что когда-либо было кем-либо написано. Представляете, да нет, как возможно такое представить рядовому человеку, тут все, понимаете, все! книги всех времён и народов! Вы любите книги?

— Нет, не очень, — ответил Этьен, — разве что романы...

— Романы — последнее, что надо читать, — презрительно сказал Кых, — держу их только потому, что тут должны иметься все книги человечества, и я также прилежно их прочёл. Впрочем, романы тоже приносят пользу: вот мы с вами, молодой человек, тоже являемся персонажами романа, и кто-то в данную минуту читает эту книгу, то есть, читает о нас. И не выдумай нас автор, и не напиши он роман, где мы с вами действующие лица, то кто бы узнал о нашем существовании, кто бы знал вообще, что мы есть? Ну ладно, тут только книги и их надо читать, а если их не читать, так что нам здесь делать? Идёмте дальше...

Они снова шагали по знакомому коридору. «Не понятно, — размышлял Этьен, — как в маленьком с виду домике умещается такой необъятный коридор? Может, всё спрятано под землёй, но мы не спускались вниз ни по каким лестницам, или дом стоит вплотную к горе,

и его бесконечное продолжение эта приспособленная и обустроенная пещера? Но какая гора, кроме сплошного леса, ничего ведь не было, неужели я бы горы не заметил?»

— Вы, наверное, обратили внимание, — заговорил Кых, идя чуть впереди Этьена, — насколько колоссальны размеры моего жилища? Так вот вы не представляете, на самом деле, насколько: чтобы обойти его весь, мало одной жизни, надо, как наименьшее, три жизни. За этими долгими стенами — библиотека (мы сейчас постояли лишь на её пороге), моё славное книгохранилище. Вы не можете вообразить, вы даже не в состоянии постигнуть своим заурядным, основанном на обыденных понятиях, разумом какое это блаженство обладать таким несметным богатством! Нам сюда, — хозяин дома прервал свою речь, и они опять, только теперь с другой стороны вошли в ту комнату, где стояло одинокое кресло, — садитесь, молодой человек.

Этьен сел в высокое кресло, и него мелькнула мысль, почему он так безропотно и безвольно подчиняется всем указаниям Наиумнейшего.

— Словом, сейчас перед вами стоит самый счастливый человек во вселенной, — продолжал разглагольствовать Кых, — знание! Вот ради чего я живу. Скажите, добрый паладин, что вы знаете? А ничего! А я знаю, почему небо синее, трава зелёная, а вода жидкая летом и замёрзшая зимой, знаю, почему птицы летают, змеи ползают, рыбы плавают, а черви копошатся в земле, знаю свойства и строение всяких веществ: жидких, твёрдых, газообразных и даже тех, которые свободны от привычных свойств, например, огонь. Да я и жив исключительно благодаря знанию, без него я давно был бы разложившийся труп. И то, сегодня меня посетит дорогой гость, (а, иначе, зачем бы я полез в яму?), я тоже знал: без вас, юноша, мне смерть.

Этьен Планси сидел в жёстком кресле и чувствовал, что его руки ноги, ноги, тело будто бы отвердели, наполнившись невероятной тяжестью, теперь он не мог пошевелиться, даже зрачки его глаз застыли в одном положении, словно драгоценные изумруды на лице золотого истукана. Непонятная, неясная и тёмная по своей сути сила подавила его волю и превратила в живое изваяние, сохранив в оцепеневшем теле удивительно ясный ум и девственно чистое восприятие уже ставшего ненужным прошлого, существующего и длящегося настоящего и вещественно-осязаемого будущего. Он вдруг ощутил в себе полное отсутствие души, точнее, на её месте возникла какая-то иная сущность, с которой к нему пришло совершенное избавление от того, что он считал любовью, страстью, жизнью. И такой осязаемой лёгкости он не знал никогда, и теперь его ждал — он знал это как абсолютную истину — долгожданный блаженный покой.

XVIII глава.

Кых Наиумнейший бегал, словно суетливый аист, вокруг кресла, где сидел Этьен и, весело оскалившись, тараторил визгливым голосом:

— Понимаешь ли ты, скудоумный юнец, что есть знание? Знание есть мощь, власть, всеисилие, и оно же — веселие, грусть, страдание, счастье, радость, любовь, дружба, похоть, желание, вожделение. Словом, знание одновременно и сладостный сон, и блаженная явь. Мне дано всё пережить, ощутить, понять и почувствовать, а значит, я совершенная особь рода человеческого, я всеобъемлющ по обхвату сущего, я безгранично, можно сказать, вселенски безразмерен по количеству постигнутого мной объёма. Я один такой, я единственный, и поэтому я должен быть — быть всегда. Но я смертен, как любой обычный человек, и могу также умереть, и каким бы я ни был сверхсуществом, моя тварная природа, моё плотское строение ни чем не отличается от строения обычного человека. Но я знаю, как продлить жизнь до бесконечности, я владею секретом оставаться бессмертным, и, благодаря этому секрету, я живу, без малого, уже 300 лет (если не считать те 32 года, что я прожил простым смертным). И чтобы продолжилось своё существование, мне всего лишь раз в столетие необходимо при-

нять Напиток Жизни, изготовленного из ста сухих составляющих, смешанных в определённой последовательности и в идеально точных соотношениях, и единственной жидкостью, пригодной для растворения всех частей и соединение их одно чудодейственное вещество служит не вода, не вино, не сок растений, не молоко, не масло, но – кровь невинного юноши. Словом, ты появился здесь, чтобы стать тем, кто пожертвует свою кровь для Напитка Жизни. Да, ты умрёшь, но смерть твоя во благо, она не есть зло, она та данность, которой невозможно, да и не нужно даже пытаться противодействовать. Я же не злодей, всё происходящее определяется, если отстраниться от личностного, жизненной необходимостью, к вам, добрый юноша, у меня полное отсутствие каких-либо душевных переживаний – ни дурных, ни хороших, никаких. В том, что вы послужите в качестве – я бы даже не сказал жертвы, в нашем случае всё проще – источника нужного материала, нет ни трагедии, ни героизма, ни патетики, всё пройдёт как обыденное событие, я делаю то, что должен делать: подошёл срок, кончается очередные сто лет, надо выпить Напиток. А у меня всего шесть дней. Да вот так, почти век беспечной жизни – и всего жалких шесть дней и ночей на то, чтобы найти и заманить непорочного юношу в свой лес, привести его к себе домой, заколдовать, взять кровь в качестве последней недостающей составляющей и приготовить спасительное средство. Ведь вы не случайно попали сюда, я, силой тайных заклинаний заставил вас свернуть с дороги и ехать через лес...

Кых замолчал, он подошёл к землисто-серой, как его физиономия, стене и почти наотмашь ударил по тёмной квадратной пластине, выделяющуюся на однородном фоне, стена медленно, без малейшего звука ушла куда-то вглубь, и из образовавшейся пустоты выплыл сам собой огромный монолитный, вытесанный из молочно-белого мрамора, стол, весь сплошь заставленный какими-то замурёнными инструментами, бронзовыми чашами, большими и малыми весами, стеклянными сосудами и глиняными кувшинами, а посередине возвышался необыкновенно громоздкий, объёмистый фиал.

– — За долгие 100 лет, – продолжил говорить Наиумнейший, – меня невозможно ничем уничтожить: ни стрелой, ни мечом, ни ядом, ни дубиной, ни голодом, ни холодом, ни болезнью, ни водой, ни даже огнём – я не горю в огне! Но в последние шесть дней срока я уязвим, как любой смертный, сейчас меня легко убить, вам, бедный юноша, стоило ткнуть меня копьём или пронзить мечом, или просто не вытаскивать из ямы, (но благородный рыцарь, как мог проехать бесстрастно мимо страждущего и не помочь) как вместо меня поднялся бы сизый дымок и ничего больше... Но высшая справедливость в том, что я должен жить! Я просто не имею права умирать, ради чего я накопил столько знаний, чтобы всё ушло в небытие? Золото, земли, замки, королевства, титулы наследуют потомки – люди уходят, собственность остаётся. Мёртвая собственность важнее и ценнее живого человека, и это считается нормальным. Но как передать другому ум, знание и, главное, дух? Да и я не желаю передавать кому-то то, чем владею – владеть хочется самому, знание – единственное сокровище, обладание которым каждым отдельным человеком переживается по своему, даже если двое знают абсолютно одно и то же, ощущения и них всё равно разные. Знание есть то богатство, которое, сколько его не трать, сколько его не расходуй – никогда не убывает, богачи, что копят золото, глупцы: чем больше их состояние, тем сильнее они боятся его потерять, я же не боюсь ничего потерять, ибо ЗНАЮ и забыть не могу – книги не позволят.

Кых, часто дыша, словно старая выпь, достал откуда-то снизу толстую, очевидно очень увесистую книгу, раскрыл её точно посередине, положил на край стола и, собрав тысячу морщинок на долгом лбу, сосредоточенно впери свой хмурый взгляд в побуревшие от времени страницы. Потом он кивнул головой, как бы соглашаясь с тем, что нашёл в тексте и начал торопливо, мельтеша маленькими ручонками, отмерять, кидая то на одни, то на другие весы то, что извлекал из продолговатых сосудов, пузатых баночек и узкогорлых кувшинов, а полученные порции бросал в гигантский фиал. Иногда он брал, походивший в его руках на хорошую дубинку, пестик и, налегая всем своим весом, растирал содержимое фиала. А Этьен, не двига-

ясь, будто неживой предмет обстановки, продолжал сидеть в оцепенении, он всё видел и ничего не чувствовал.

— — Теперь всё, — - прошептал притомившийся Кых, едва закончив, — - осталось только добавить жидкость, то есть человеческую кровь. — - Он вынул из продолговатого футляра нож с длинным, нешироким полукруглым лезвием с тонким желобком посередине и маленьким отверстием на конце вытянутой, сужающейся шишечки, завершавшую рукоятку. — - Я проткну твою нежную, белую кожу этим особым ножом, остриё свободно войдёт в молодое тело, достигнет сердца и вонзится в него, и кровь по желобку и сквозь отверстие стечёт в подставленный заранее бокал, вылепленный вручную, без помощи гончарного круга из белой необожжённой глины. Пока бокал не наполнится до предела, ты будешь ещё жить, но начнёшь чувствовать, как жизненные соки покидают твою плоть, и, как только сосуд заполнится до краёв, ты умрёшь. А я, добавив кровь в приготовленную смесь, выпью вожделенный Напиток Жизни. И тогда всё, я — - существую, я — - бессмертен! Правда, лишь на ближайшее столетие... И почему для поддержания жизни духа требуется наличие заурядной материи?

Кых приблизившись к Этьену вплотную, снял с него, довольно умело и без заминки, железный нагрудник, разорвал рубаху и прикоснулся кончиком своего детского пальчика к месту на груди юноши чуть немного ниже левого соска.

— — Здесь нужная точка, здесь войдёт клинок, — - деловито сказал Наиумнейший, — - и устоявшийся порядок сохранится, и он сохранится всегда. Одна жизнь закончится, другая — - продолжится. А зачем тебе жизнь, несчастный? Проживёшь ты её не понимая зачем, не думая о её смысле, всё в ней уже заранее предрешиено: женишься на такой же бессознательной девице, наплодите ораву детей, которые продолжат всё по тому же бесконечному кругу. И стоило ради этого жить, кто ты, человек или случайное скопление частиц, которые природа смешивает по своему усмотрению, вещество могущее быть чем угодно: сегодня — - мусором на задворках харчевни, завтра — - грозным правителем, а после — - чернозёмом под копытами крестьянских волов? Ну, хорошо, предположим, пусть тебе было суждено стать бесстрашным героем или хитрым стратегом, или мудрым, обожаемым чернью королём, или гениальным поэтом, или даже, отмеченным высшими силами, пророком, то есть, предназначено было, говоря вашими пошлыми словами, прославиться. Но ведь самые выдающиеся, самые знаменитые, самые лучшие в итоге всё равно умирают как все, как самые обычные и как самые ничтожные. Так какой же резон домогаться славы, чтобы потомки помнили? А какая тебе выгода в том? Если ты поднялся над всеми, стал великим и недосягаемым, за тобой, за твоим именем идут миллионы, тебя при жизни объявляют бессмертным и гением, то почему «бессмертный» обязан умирать и не вправе жить вечно — - жить не только в памяти, но и в действительности, по-настоящему как естественный живой человек? Иначе ваше так называемое величие есть кладбищенский прах, смысл подобного существования сводится к леденящему плоть и дух Ничто, а вся эта кутерьма со славой и почётом равнозначна балаганному представлению, где герой, тот же раз-малёванный шут и бездарный кривляка перед зияющим зевом Ничтожения, готовый поглотить вас вместе с вашей славой. Отсюда вывод: всё, чтобы мы ни делали, как бы ни возвышались, сколько бы люди ни прославляли нас, имеет смысл и значение лишь тогда, когда это навечно...

XIX глава.

— — Ну, всё, хватит речей, пора начинать, — - озабоченно сказал Кых.

Он взял нож в правую руку, бокал в левую и, вскарабкавшись на высокий выступ возле кресла, постарался стать как можно удобнее и так приладить свои инструменты, чтобы лезвие вошло правильно, а кровь стекала бы аккуратно в сосуд и, перед тем, как приступить, прошептал:

— — Странно: не первый раз проделываю, но так волнуюсь... Ну, ещё бы, жить-то предстоит вечно...

— — Всего три минуты! — - Раздался громкий и решительный голос.

Кых выронил нож, прогрохотавший, пока катился вниз, так, как будто две маленькие армии успели сразиться между собой, а бокал дрожащей рукой он поставил на пол у ног Этьена и, с завыванием — - сначала тихим, но тут же быстро нарастающим до истошного крика — - обернулся к входной двери. Там стоял высокий немолодой человек в странной одежде, похожей на балахон, но сшитой из толстой кожи, через его плечо висела серая сумка, в руках он держал арбалет на боевом взводе. Незнакомец молча поднял его и прицелился в Наиумнейшего, трясущегося, словно лоскут на ветру, зацепившийся за гвоздь.

— — Ты кто? — - Сказал Кых, как выплюнул.

— — Твой убийца... — - Спокойно ответил незнакомец.

Кых, схватив со стола огромный фиал со смесью, петляя на ходу, будто пьяный танцор, кинулся к незнакомцу, держа перед собой тяжёлую чашу, и когда оставалось всего два шага до человека у двери, выбросил руку, зажимавшую сосуд, в его сторону, и содержимое разноцветным облачком повисло у лица незнакомца, который в то же мгновение выпустил стрелу из арбалета. Стрела, мелькнув невидимкой, попала точно в левый глаз Наиумнейшего и вышла огненно-красным остриём из его узкого затылка — - кровь сначала отдельными каплями, потом усиливающейся струёй и, наконец, грохочущим потоком застучала по каменному полу. Кых упал на колени и, волоча узкие ступни и оставляя за собой весело блестящую кровавую дорожку, подполз к подножию кресла, где сидел Этьен и, подняв голову, пробормотал: «Всё, кончился бессмертный...» Он ещё несколько раз открыл рот, пытаясь что-то сказать, но кроме булькающего хрипения, ничего не смог выдавить из себя, и через минуту всё стало ненужным: тщедушное тельце обмякло, скукожилось, словно озябло напоследок и осталось лежать небольшим холмиком на холодном полу.

Этьен в тот же миг ощутил, что к нему вернулась воля, он теперь снова свободно владел своим телом, а прежние чувства как никуда не пропадали, бывшее томление, как раньше, продолжало висеть на сердце всей своей непроходящей тяжестью. Он взглянул на незнакомца — - тот, достав из сумки фляжку, смывал со смуглого лица, попавшие на него частички смеси из сосуда.

— — Наверное, я обязан поблагодарить вас, — - сказал Этьен, — - за то, что вы спасли мою жизнь.

— — Естественный поступок нормального человека, — - сухо ответил человек у двери.

— — Вы уверены, что ваш поступок естественный, может, наоборот, ничего не стоило предпринимать, и пусть бы всё шло, как шло? — - Спросил Этьен.

— — Странный юноша, очевидно, вы ещё не в себе, после пережитого. Хорошо, как бы там ни было, идёмте отсюда, здесь, что в склепе.

Этьен усмехнулся и показал на тело, скорчившегося кривой запятой: труп на глазах начал быстро растворяться в плотном воздухе, исчезая вместе со стремительно истлевавшей одеждой, и через пару мгновений только желтоватый дымок вился над пустым местом, а на пол, глухо стукнув о стёртые камни, упала бесполезная короткая арбалетная стрела...

XX глава.

— — Дист Доуриг, — - представился человек, едва они вышли из дома.

Этьен назвал своё рыцарское имя. Он сел на коня и снова убедился, какой дом снаружи маленький, в таком просто не может поместиться всё то, что он там видел.

— — В доме множество разных комнат и огромный беспредельный коридор, — - сказал Этьен, — - куда он делся, где он скрыт, или там ничего нет, один обман, я был просто зачарован?

— — Там всё есть в действительности — - ответил Дист Доуриг, запрыгивая в седло своей лошади, — - но там иная, нездешняя действительность, там пространство воспринимается как некая бесконечность, имеющая начало, но с беспрерывно отступающим пределом, наподобие

горизонта, только горизонт на открытом пространстве, а там, в доме оно ограничено стенами, потолком и полом коридора по высоте и ширине, но по длине оно безгранично.

...Стояла глубокая ночь, они двигались через лес в противоположном направлении, относительно того, откуда прибыл Этьен, Дист Доуриг скакал впереди с факелом, ехал он быстро, не думая о дороге, видно здешние места были ему отлично знакомы. И к исходу продолжительной зимней ночи всадники подъехали к большому каменному дому, у которого они спешили и вошли внутрь.

— — Моё жилище, — - сказал Дист Доуриг.

Он провёл Этьена через пустую нежилую комнату и остановился в следующей, где находился камин с тлеющими, ещё не успевшими погаснуть углями, хозяин их разворошил и подложил новых дров, огонь быстро разгорелся, словно чему-то обрадовался, и в комнате стало светлее и теплее.

— — Господин рыцарь, — - обратился Дист Доуриг к гостю, — - вы устали, посидите пока тут у камелька, а я приготовлю удобную постель, чтобы было вам, где прилечь.

— — Это излишне, — - возразил Этьен, — - я давно не сплю в мягких кроватях. Лучше я у огня посижу. А как окончательно рассветёт, отправлюсь в путь.

— — Нет, так скоро я вас не отпущу, — - сказал Дист Доуриг мягко, — - вы должны погостить у меня несколько дней: от человека, которому спас жизнь, я не вправе сразу в одночасье избавляться, будто его и не было вовсе. Ведь вы же вот он, вы есть, вы здесь, и всё, что произошло не фантазия сочинителя романов, а то, что случилось на самом деле.

— — А что, у вас в отношении меня какие-то намерения, как у Наиумнейшего? — - Спросил Этьен, усмехнувшись. — - Ему требовалась моя кровь, а что нужно вам от меня, моё оружие, мои боевые способности, мои доспехи или моё тело, моё сердце, мой мозг, моя душа? И вообще, я дал обет быть странствующим рыцарем, мой удел дорога...

— — Хорошо, я сейчас принесу вина, — - устало сказал Дист Доуриг, — - посидим просто у огня.

— — А ваше вино тоже какое-то небывалое?

— — Да нет, обычное, с местных виноградников, вино как вино, конечно, не такое роскошное, как на юге, но тоже ничего. Надеюсь, вы не сбежите, вы останетесь тут? — - Сказал хозяин и скрылся за дверью.

Этьен сидел у камина, где пламя разъединилось на две, почти равные части, извивавшиеся друг перед дружкой в едином ритме, будто первая служила отражением второй, а между ними дрожала прослойка горячего воздуха, который словно бы не давала им слиться в одно целое. «Наверное, моё место сейчас там, в том маленьком промежутке, между тех двух язычков пламени...» — - подумал Этьен.

Хлопнула дверь и снова появился Дист Доуриг, неся в руках две бутылки тёмного вина, он поставил их на сделанный из толстых грубых досок стол, достал неказистые пузатые оловянные бокалы и разлил вино, один протянул гостю. Этьен взял его и, не отрываясь, выпил и, поставив пустой бокал на стол, сказал:

— — Тот тоже угощал вином. Оно было удивительное и неповторимое...

— — Вино безволия, вот чем он вас напоил, — - отозвался Дист Доуриг.

— — Точно, я потерял собственную волю. Стал послушен как собачонка. Но он тоже пил то же вино, ведь наливал его из одной бутылки.

— — Наиумнейший принял противоядие и поэтому вино для него было обычным вином — - сказал Дист Доуриг ровным голосом — - только вот для меня не существует противоядия.

— — Для вас, а вы что отравились? — - Спросил Этьен, и сердце его сжалось

— — Да. Помните тот порошок или что там у него было в фиале, что он выпустил мне в лицо, так этот порошок оказался ядовитым — - ядовитым для меня. И я успел вдохнуть немного...

— — И ничего нельзя сделать?

— — Через три дня я умру, и это данность. — - Сказав так, он замолчал на некоторое время, а потоп продолжил едва заметно дрогнувшим голосом, — - господин рыцарь, назовите своё родовое имя.

Этьен запнулся и осипшим голосом, словно поперхнувшись молчанием, назвал.

— — Этьен Планси, — - сказал Дист Доуриг громче прежнего, — - отныне ваша судьба уже не ваша судьба, а судьба Хранителя Святой Тайны Меча.

— — Тайны? — - Вскричал Этьен, — - я не желаю знать никакой тайны! Я жажду одного — - смерти в честном поединке. Если я погибну, любая тайна умрёт вместе со мной. Ищите кого-нибудь ещё, чтобы передать ему свою тайну...

— — Господин Планси, — - сурово сказал Хранитель Тайны, — - спасая вашу жизнь, я потерял свою. У вас нет выбора, а у меня нет времени.

— — Но я не просил спасать меня, — - сказал Этьен, вставая со стула, — - я, конечно, благодарен вам, но если бы вы не вмешались, вам не пришлось бы сейчас умирать, и, значит, не надо было бы никому передавать эту вашу тайну.

— — А вы на моём месте разве не вмешались бы, если страдает невинный, можно ли пройти мимо, каждый поступил бы так же?

— — А вы уверены, что я страдал? — - Этьен подошёл вплотную к камину и стал лицом к огню, — - может, я теперь страдаю, а тогда, сидя обездвиженный в кресле, мне было хорошо, я испытывал блаженство — - блаженство покоя? Меня ничего не волновало, я забыл кто я такой, что я существую, что мог страдать и томиться, мог испытывать боль и мучиться, что у меня имелись желания, стремления и мечты. Знает, какое это сладостное ощущение ничего не хотеть и ничего не чувствовать?

— — Смертельное ощущение. Но как бы я относился к самому себе, если бы не сделал того, что сделал? Да и я не думал, что вероятно поступить как-то по иному. Такова моя сущность — - сущность нормального человека.

— — Но то, что хотел сделать Кых, казалось ему, по его понятиям, тоже нормальным и само собой разумеющимся. — - Сказал Этьен и, подойдя к столу, налил себе ещё вина. — - Он был единственный, кто знал всё. Буквально всё. Поэтому должен был жить вечно, как он считал. И, возможно, в этом заключалась высшая правда? Таких, как я миллионы, а он — - один на весь мир. Значит его жизнь ценнее моей в миллионы раз. И его обстоятельства складывались так, что он должен был делать именно то, что заставляла его делать необходимость. А необходимость состояла в том, чтобы взять мою кровь. И я тут как личность, как человек не имел никакого значения. Он не испытывал ко мне никаких чувств. Его невозможно даже назвать злодеем. То, что он пытался сотворить находится вне понятий добра и зла. Я служил для него лишь как источник недостающего материала. И не забирай у меня кровь, и не приготовь свой чудодейственный напиток, он бы просто прекратил бы своё существование как живой человек.

— — Но сейчас живой вы, грех противиться жизни, она даётся не для того, чтобы относиться с ней как к случайности, жизнь не случайность, жизнь есть дар.

— — Уж больно недешёвый дар, — - повысив голос, сказал Этьен, выпивая вино, — - цена моей неслучайной жизни — - две другие человеческие жизни. Чтобы я остался живой понадобились две смерти. Как жить дальше, осознавая, что на твоей совести два мертвеца? Я же до конца дней буду помнить об этом.

— — Но вы же не виноваты ни в смерти колдуна, ни, тем более, в моей смерти, все произошло помимо вашей воли и вне вашего участия. Обстоятельства не зависели от ваших действий. Я сам виноват в том, что произошло: не выпустил вовремя стрелу из арбалета, решил потешить себя красивым и точным попаданием в глаз. В глаз я попал, но заплачу за эту красоту собственной жизнью. Так что нет на вас вины... И вообще, нет вины ни на ком... Всё надо принимать так, как оно случилось.

— Я не могу, не хочу и не обязан принимать всё как есть, — горячо сказал Этьен, — я желаю идти против обстоятельств, я должен сам и исключительно своим желанием менять то, что открывает нам действительность.

— Так почему же вы стали странствующим рыцарем, да ещё с именем Отвергнутого, или действительность и предоставленные обстоятельства оказались сильнее вашего желания, или желание было не достаточно сильное?

— Моё личное дело и я бы не хотел сейчас говорить об этом, — сердито сказал Этьен и, сжав кулак, смял оловянный бокал, который, уродливо сплюснутый, с неприятным стуком упал на угол камина — хорошо, пусть будет по-вашему. Что у вас за тайна и так ли обязательно передавать её первому встречному, то есть мне?

— Может быть, вы и первый встречный, но вы же и последний...

XXI глава.

Дист Доуриг поставил на стол свою серую сумку, потом через голову что-то снял с шеи и положил рядом с сумкой.

— Мне всего 49 лет, — начал он, — и я не собирался умирать... Хранители Тайны всегда жили долго. Мой наставник умер в возрасте 121 год, а его учитель вообще дожил до 137. Но никто не ведаёт своего предела. И вот я подошёл к своему, а последователя, ученика у меня нет. Вроде было пока рано им обзаводиться, обычно Хранители находили себе учеников только тогда, когда им исполнялось сто лет, и в качестве подопечного брали мальчишку не старше 9 лет. Я, к примеру, стал им в 8, и потом 21 год находился при учителе, до самой его смерти, после которой принял звание Хранителя. Теперь вы понимаете, что я не собирался делать из вас своего преемника, ведь ни ваш, ни мой возраст не соответствует нужному количеству лет: вам слишком много, чтобы идти в обучение, мне слишком мало, чтобы искать себе подопечного. Но, не смотря на это, вам всё-таки придётся возложить на себя обязанности Хранителя Тайны Меча Победы.

— Меча Победы?! — Усмехнулся Этьен, — легендарный, сказочный Меч. Он же давно утерян, если конечно существовал вообще.

— Он и существует и сейчас, как и Ключ Любви.

— Да, о Ключе я слышал, он хранится у какого-то барона Эсхита, — сказал Этьен.

— Не хранится, а скорее лежит как большой кусок железа — громоздкий и бесполезный. Он был увеличен от своего обычного размера в 909 раз, а Меч наоборот — уменьшен в 10 раз и вдобавок Меч спрятан так хитро, что не зная где и как, никогда не найдёшь его. 393 года назад Великий Меч Победы был принесён уже сильно постаревшим, смертельно уставшим и больным Великим Воином своей неверной возлюбленной королеве Гиноре, чтобы бросить Меч к её ногам, а самому тут же умереть. И Чёрная Королева поклялась на трупе Воина, что Меч никогда и никому не будет принадлежать. Но уничтожить его оказалось не в её власти, и она сильно сократила Меч в размерах, сделав клинок маленьким, словно игрушечным и заключила его в кристалл горного хрусталя, а Ключ превратила в огромный и неподъёмный кусок металла. Гинора силой страшного заклинания разрушила горы, полностью завалив своё королевство камнями, чтобы никто не знал пути к Мечу — на развалинах нашли лишь Ключ. Единственный кто знал, где хранится Меч, был верный паж королевы Долен — первый Хранитель Тайны. По-прошествии ста лет Хранителем стал его ученик, потом пришёл срок третьему Хранителю, мой наставник, Ларпан Тог, четвёртый, а я, естественно, пятый. Вам, господин рыцарь, предстоит стать шестым, только неизвестно, каким вы будете Хранителем, ведь вся жизнь, весь способ его существования подчинён служению Тайны Меча, поэтому и должен ученик жить с наставником много лет, чтобы перенять от него образ жизни Хранителя. Но вы, Этьен Планси, юны, у вас чистое сердце, правда, уже слегка отравленное сомнениями, но это же из благих побуждений, вы, по вам видно, не склонны делать зла никому сознательно,

а если и совершите какую-нибудь ошибку, то лишь по незрелому недомыслию и не ради собственной выгоды, и вы всё сделаете, дабы исправить то, что свершили. Я чувствую, что если и нарушится равновесие между правдой и ложью, и вы как-то будете причастны к этому, то вы же и предпримете всё, что всё снова вернется прежний порядок...

Дист Доуриг поднялся на ноги и стал вынимать из серой сумки разные непонятные предметы, выкладывая их в цепочкой в ряд. Первыми он положил четыре крупные жемчужины, потом – тонкую смотанную кольцом верёвку с крюком на конце, небольшой кусок тёмного грифеля, факел с короткой ручкой, ярко вспыхнувшую на свету рубиновую звезду и скрученный в свиток пергамент.

– — Если двигаться точно на восток, то после трёх месяцев пути вы достигнете Серого Леса, – – сказал Дист Доуриг, – – на самом отдалённом его краю стоит Красная Гора, в теле Горы на одной из её отвесных, неприступных стен расположена неглубокая пещера, в пещере – кованая в пять толстых листов железа заколдованная дверь, за дверью – небольшая узкая ниша, в нише – вырубленное из камня возвышение в виде стола, на столе – кристалл горного хрусталя, в хрустале – застывший Меч Победы. И только Хранитель Тайны Меча знает, как пройти через всё – пересечь непроходимый Лес, взобраться на немислимую гору, открыть неподъёмную дверь. Здесь в пергаменте, – – Дист Доуриг указал на свиток, – – записано всё, что необходимо делать, чтобы добраться до цели. Но получив Кристалл с Мечом, заключённым внутри ещё не будет означать, что Хранитель овладел Мечом – Кристалл необходимо ещё расколоть. А для этого нужно будет отыскать Великан-Гору, в её чреве, в огромной пещере расположена кузница, там много веков трудится бессмертный кузнец Далдаф. Он обладает силой равной силе 12 кузнецов, он одним ударом расплющивает обычные наковальни, поэтому его наковальня сделана им самим из особого сплава, известному только ему одному, его молот весит столько, сколько смогут увезти груза 7 лошадей тяжеловозов. Лишь ему – кузнецу Далдафу под силу разбить Кристалл. Меч, когда он будет извлечён из Кристалла, вставляется сюда, – – Дист Доуриг показал то, что снял с себя, это был талисман, изображавший извивающуюся, с сужающимися к хвосту кольцами серебряную змею, – – что-то наподобие ножен... А чтобы вернуть Мечу его нормальное состояние, необходимо соединить его как воплощение мужского начала с воплощением женского начала, то есть, с Ключом Любви. Когда мужское войдёт в женское, когда яркое и раскалённое сольётся с безжизненным и ледяным, а страждущий Меча не одёрнет руки и пересилит нестерпимое пламя, зажатое в ладони, а страждущий Ключа не уберёт руки, возложенную на омертвелое и замёрзшее, бессмысленная мощь, заключённая в Ключе перетечёт в Меч, он вернётся к своему истинному размеру, а Ключ снова превратится в обычный маленький Ключ Любви и им можно будет пользоваться как источник власти над сердцем женщины...

Пока Дист Доуриг говорил, голос его ослабевал с каждым словом, под конец он произносил фразы, казалось, лишь одним дыханием, помолчав немного, он снова заговорил:

– — Этьен Планси отныне как посвящённые в одну Тайну мы равны, возьми в правую руку Талисман и держи его так, будто ты держишься за жизнь, вся на краю обрыва, и не смей разжимать руки, чтобы не происходило и слушай внимательно, ибо сейчас тебе предстоит пережить обряд посвящения в Хранители Тайны Меча.

Этьен взял Талисман в руку и вытянул её перед собой, Дист Доуриг Пятый Хранитель Тайны Великого Меча Победы поднялся со своего места, стал напротив Этьена и начал говорить и не слабым, едва слышимым голосом, как он говорил только что, но сильным, громким и уверенным:

– — Этьен Планси Рыцарь Гордо Отвергнутый отныне, с этого самого мгновения нарекаешься ты Хранителем Тайны Меча и превращаешься в него по сути...

Этьен ощутил, как его вытянутая рука стала тяжелеть, словно по её венам растекалась расплавленная бронза, превращаясь в чужеродную часть тела, она, рука от чудовищно нара-

тающего веса начала опускаться вниз, приближаясь к тёмной поверхности стола, а когда она коснулась холодных досок, раздался хруст ломающихся костей: кисть руки, прижатая и сплюснутая непонятной силой, раздроблялась прямо на глазах, кровь бойкими струйками текла между пальцев, державших Талисман. Но кулака Этьен не разжимал.

— — Хранитель, — - продолжал Дист Доуриг, — - должен свято сохранять Великую Тайну, он не смеет разглашать её, не смеет упоминать о ней и намекать на то, что владеет ей, не смеет пользоваться знанием Тайны для собственной выгоды, Хранитель имеет право явить миру Меч только тогда, когда мир дойдёт до крайнего предела своего существования и иного способа спасения мира больше не может быть найдено. Помни, Хранитель Тайны, в твоей власти спасти или погубить мир...

...Дист Доуриг умолк, опустил взор. Этьен ясно и отчётливо слышавший каждый звук, замер, как зачарованный отрок, впервые увидевший купающуюся девушку, его рука, державшая Талисман превратилась в кусок раздавленной плоти, походивший на размякшую слизь в чёрной кровавой луже. Ни единой мысли не трепыхнулось в сознании Этьена, он смотрел на то, во что превратилась кисть его руки, и казался посторонним наблюдателем, словно происходящее представлялось ему крайне интересным, но не касалось лично его. Дист Доуриг бесшумно приблизился к новопосвящённому Хранителю и, достав белое покрывало, накрыл им его изуродованную руку — - девственная ткань зашевелилась, будто живой организм, обволокла и запеленала кисть, мгновенно пропитавшись алой кровью, потом она быстро почернела, как сажа, но так же скоро снова побелела и, свободно расправившись, будто её лишь сейчас бросили на руку, осталась лежать неподвижно.

— — Ты с достоинством и по-мужски выдержал испытание, — - сказал Дист Доуриг.

Он неторопливо, как усталый воин после боя, свернул покрывало, и Этьен увидел, что кисть, как прежде, цела, здорова и не покалечена.

— — Разожми кулак, — - произнёс его наставник весело.

Этьен разжал: Талисман лежал на ладони, тускло поблёскивая серебром, его тяжесть вообще не ощущалась, словно он был не из металла, а из невесомого пуха.

— — Как я уже говорил, — - сказал Дист Доуриг, — - Талисман нужен для того, чтобы вложить в него Меч, а когда Меч обретёт свой прежний вид, сюда вставишь уменьшившийся Ключ Любви. Но пока змеиное тело обвивает Ключ, он бесполезен, чтобы Ключ действовал, необходимо вынуть его, освободив от объятий серебряной змеи, и спрятать его в потайной карман возле сердца, откуда он начнёт испускать невидимые волны — - волны притягательности, но воспринимать их будут только те, кого пожелает видеть своей возлюбленной обладатель Ключа Любви.

XXII глава.

Этьен повесил Талисман на шею, взял серую сумку и сложил в неё все предметы, лежавшие на столе.

— — Теперь прощай, — - сказал Дист Доуриг глухо, — - навсегда...

— — Прощай, — - как можно бодрее попытался сказать Этьен, но его голос дрогнул, он понял вдруг, как нестерпимо дорог стал ему этот чужой человек, Дист Доуриг, возможно тот, с кем он смог бы провести рядом как ученик, как друг, как товарищ всю свою жизнь, и никого другого уже не надо было.

Больше они не произносили слов, Этьен вышел из дома, привязал сумку к седлу, сел на коня и поскакал так стремительно, словно он свершил непростительное святотатство и теперь спасался бегством от суда толпы. Он желал как можно скорее и как можно дальше убежать от этого дома, ему всё время чудилось, что он не отъехал ни на шаг от его тёмных стен, что они по-прежнему возвышаются за его спиной, что высокая дверь приоткрыта и сейчас из неё выйдет усталый хозяин, и Этьену всё-таки придётся оглянуться, чтобы напоследок уви-

деть смертельную тоску в его глазах. И только через много часов непрерывной скачки, когда конь просто остановился, не в силах идти дальше, Этьен опомнился, он выпрыгнул из седла и, поняв что он выехал из леса и очутился на дороге, пошёл пешком, ведя за собой тяжело дышавшего коня.

«Свобода действительно невозможное явление: сколько бы ты не бился, чтобы ты ни делал, всё ведёт к уменьшению количества свободы, – - размышлял Этьен – - даже ничего не делая, существуя в своём закрытом панцире, заковав себя в глухие латы невозмутимости, оставаясь в добровольном одиночестве, заперев ото всех и ото вся двери, всё равно не добьёшься свободы, ты будешь рабом собственной воли, твоё желание станет твоим тюремщиком. Невозможно быть совершенно свободным от своего желания, и, скорее, желание владеет тобой, нежели ты желанием. И только воля способна бороться с желанием или, наоборот, осуществлять его. А моё желание быть с Изабель, и оно пересиливает всё, что можно ему противопоставить: долг, обязательства, высокие слова, совесть... Я ведь тоже имею право быть, то есть, не существовать, не чувствуя, что» я, не помня, кто» я и для чего я, а существовать, ощущая самое себя, своё неповторимое Я и осознавая, что я, какой я есть, единственный и единственный, никогда больше не буду, и что лишь сейчас, в этой жизни, моей жизни, которая может длиться только один раз, Я обязан сделать всё, чтобы оставаться тем, ради чего я создан. А я создан для Изабель, и я обязан сделать всё, чтобы быть с ней, а сейчас я имею шанс получить то, при помощи чего я завоюю её любовь – - Ключ Любви. А чтобы овладеть Ключом, надо добыть Меч Победы... Да, Дист Доуриг сказал, что Меч разрешено извлечь исключительно ради спасения мира, но сказано же, что каждый отдельный человек есть целый мир, значит, спасая себя, спасаю мир. И вообще, какое мне дело до остального мира, если он легко обходится без меня, и если я исчезну вдруг, мир, как был, так и останется, будто и не существовало меня, а, значит, сейчас я обязан делать всё для себя и ради себя. Ведь никто ничего не даст – - надо брать самому, тем более что представилась возможность взять то, что лежит как предназначенное мне одному, и никто, кроме меня, это не возьмёт. Я не беру чужого – - я беру своё. Ключ Любви предназначен мне, без него – - вечное уныние, отчаяние, безысходность, смятение, гибель. А не хочу погибать – - я хочу быть живым и со своей любовью. Пусть в том, как я намерен завоевать свою любовь, заложено колдовство, но не зла же я желаю, но любви, счастья и не одному себе, а нам двоим. От того, что два маленьких незаметных человека – - я и Изабель, закрывшись ото всех в своём отдельном мирке, будут счастливы, что может произойти такого, из-за чего рухнет мир? Ничего. А значит, я волен делать то, что намерен делать: я достану Меч Победы, освобожу его от заточения и передам барону Эсхиту в обмен на Ключ. Вот только бы найти этого барона, узнать бы, где он обитает...»

Этьен продолжал идти пешком по дороге, когда услышал за спиной нарастающий топот копыт. Он быстро сошёл на обочину, подтянул за собой захрапевшего коня и оглянулся: к нему приближалась вереница из двух десятков всадников по двое в ряд, возглавлял их очень плотный, широкоплечий, но не высокий рыцарь, над ним развевался белый флаг, с лиловой каймой по краям и с ярко-красными губами в центре, изображавшие улыбку. Все всадники скакали на одинаково чёрных лошадях и были одеты в белые атласные плащи. Они лёгкой рысью проехали мимо одинокого путника, никак не показав, что заметили его. И стоило им только скрыться за поворотом, как Этьен услышал почти у самого уха негромкий голос:

– — Бравые ребята, среди них мой сын.

Этьен обернулся: возле него стоял седой, но моложавый человек, небогато и просто одетый, как одеваются обедневшие дворяне, а рядом с ним – - невысокая смиренная лошадка.

– — Мой единственный сын, – - повторил человек, – - наш род обеднел, мы утратили право на земельный надел, мне нечего передать ему в наследство, нет ни замка, ни угодий, ничего. Вот пошёл на службу, может, станет рыцарем, получит лен, вернётся в дворянское

сословие. Барон обещал, что все, кто будет верно ему служить не останется обделённым, каждый получит, что ему причитается. Поэтому к нему и тянется вся молодёжь.

— Барон?! — Удивился Этьен, — как может барон раздавать земли и титулы, он не король, не князь и даже не герцог?

— Наш барон не обычный барон, — сказал человек, — он непременно станет королём. Великим королём! У него сейчас столько земель, сколько нет и у трёх графов. Он уже завоевал пять мелких баронств, два немаленьких графства и даже отторг половину одного маркизата. Наш барон — велик в своих воинских подвигах, он непобедим. И у него служат самые доблестные и отважные воины. И мой сын там...

— А как имя вашего барона? — Спросил Отвергнутый Рыцарь, садясь в седло.

— Его имя Харгрив барон Эсхит!

XXIII глава.

Небо и земля поменялись местами, окрылённый всадник гнал коня по голубой тверди неба мимо включенных и потревоженных облаков, и счастливое солнце, манящее нестерпимо желанным светом сияло впереди, казалось, ещё мгновение, и он въедет в золотые ворота, за которыми его ждёт непрерывное блаженство.

И в миг всё перевернулось, земля снова упала под ноги, а небо поднялось так высоко, что пока не поднимешь головы, не увидишь. Этьен очнулся: он находился на той же дороге, а на его пути стоял высокий незнакомый рыцарь. Этьен едва не наскочил на него.

— Господин невнимательный рыцарь, — весело сказал неизвестный, — вы настолько поглощены собственным величием, что не замечаете мелких препятствий в виде бедного странника, сидящего на коне. Меня зовут Ирвин Зог Рыцарь Красного Оленя, и я вызываю вас на поединок. Моя дама сердца, неразделённая любовь к которой отправила меня в бесконечные странствия, потребовала, чтобы я бился с каждым встреченным мною рыцарем.

— Господин Ирвин, — произнёс Этьен, дрожа от нетерпения из-за глупой и бессмысленной задержки, — я вынужден отказаться от поединка. Вы влюблены, вы поймёте меня: ради своей любви я не вправе медлить ни секунды, я должен спешить.

— Одиннадцать лет брожу, как бездомный пёс, по прихоти возлюбленной, — вкрадчиво сказал Рыцарь Красного Оленя, — а вы, юноша, странствуете, по вам видно, всего-ничего. Так что отложите ваше несолидное нетерпение на полчаса и сразитесь с достойным противником, то есть со мной. Или, дорогой мой, вы не храбрец, да и рыцарем после этого назвать вас будет неловко.

Этьена взбесило выражение «дорогой мой», да и вся манера слащавой иронии, с которой произносил слова Рыцарь Красного Оленя, вызвала отвращение. Этьену захотелось сразу же его проучить, он принял вызов и, назвав своё рыцарское имя, поставил копьё наизготовку.

— Господин Отвергнутый Рыцарь, — улыбаясь, произнёс Ирвин Зог, — похоже, вы оказались недостаточно настойчивы, раз вас отвергли. Зачем служить той даме и прославлять её имя, которая не приняла вашу любовь. Добейтесь взаимности, а потом и странствуйте, возвеличивая имя своей возлюбленной, а так ей дела нет, славите вы её или нет. Скорее всего, она вас давно забыла...

— Не забыла, я не позволю, чтобы забыла, — сказал Этьен, — и после того, как я вас выбью из седла, поймёте почему. Где ваше копьё, доставайте его пора кончать со словами.

— Извините, господин Отвергнутый, — отведя глаза в сторону, сказал Рыцарь Красного Оленя, — но моё копьё сломалось в прошлом поединке, а нового я не успел заказать. Поэтому, могу биться только на мечах.

— Хорошо, пусть будут мечи, — согласился Этьен.

Он отбросил копьё, спешился и обнажил меч, у него в мозгу сама собой мелькнула предательская мысль, что быстро, одним ударом покончит с противником, долго с этим жеман-

ным рыцарем возиться не придётся. И Этьен, словно голодный ястреб на убегающую добычу, ринулся на соперника, и холодная молния клинка блеснула на головой Рыцаря Красного Оленя – Отвергнутый Рыцарь направлял свой меч в середину его овального шлема – - но меч и не задел, даже не чиркнул по начищенной стали вражеского шишака и просвистел мимо, а Этьен, разрубив прошуршавшую невидимой змеёй пустоту, опустил все тело почти до земли, будто он кому-то поклонился. И тут же получил мощный удар в спину чем-то тупым, из-за чего не устоял на месте и упал на землю.

Этьен пружинисто вскочил на ноги и попытался поднять выроненный меч, чтобы продолжить бой, но немилосердная боль неожиданно резанула правую руку, словно кто-то невидимый с чудовищной силой дёрнул её. В его глазах запрыгали яркие слепящие пятна, в мозг как будто воткнули трёхгранный стилет, а сердце обняла смертельная тоска. Меч остался валяться на земле, бесполезной палкой.

Ирвин, сбросив на ходу шлем, подбежал Этьену.

– — Господин рыцарь, – - закричал Рыцарь Красного Оленя, – - что с вами?

– — Рука, наверное, сломана, – - с трудом выдавил из себя Этьен несколько слов.

– — О, ужас, не может быть, у меня никогда такого не случилось, чтобы кто-то покалечился, – - искренне пробормотал Ирвин.

– — Довольно причитать, помогите снять перчатку.

Её осторожно стянули, и кисть руки буквально за минуту посинела и разбухла.

– — Господин Отвергнутый Рыцарь, – - елеинным голосом сказал Ирвин, – - приглашаю вас в свой замок, у меня имеется весьма искусная знахарка, она быстро вылечит вашу рану.

Этьен, чувствуя, что боль сильна, и он в любую секунду может потерять сознание, согласился.

XXIV глава.

Возлюбленная Ирвина Ззога оказалась на самом деле его законной женой, рыцарь безумно обожал её, потакал всем её прихотям и капризам, и она вертела любимым мужем, словно жонглёр кольцом, во все возможные стороны: не существовало его воли – - имелось лишь её желание. Стоило ей увидеть, какого гостя привёл муж, как она откровенно обрадовалась и, звонко засмеявшись, сказала:

– — Такой чудный красавчик наш дом ещё никогда не посещал. Но что с вами, вы бледны, как лист лопуха с изнанки и валитесь с ног, точно с перепоя? Вот садитесь в кресло, вам будет удобно.

Этьен с облегчением сел, куда ему указали и немного забылся.

– — Эмма, наш гость, кажется, сломал руку, – - с нескрываемой радостью сообщил Ирвин, – - позовите Пиринелу, они живо поможет нашему другу.

Он вкратце рассказал о том, что произошло.

– — Вы чудовище, – - немного растягивая слова, сказала ему жена, – - кто разрешил вам быть грубым и неучтивым по отношению к такому нежному, кроткому, белокурому мальчику...

«Лучше бы было потерять сознание и остаться лежать в высокой траве возле дороги, – - пронеслось в голове Этьена, – - кто-нибудь да помог бы, чем ехать сюда...»

Появилась старая согбенная знахарка, она осмотрела повреждённую руку и нашла, что перелома нет, только вывих, она ловко, почти незаметным движением вправила выбитую кость и, наложив примочки, тихо ушла.

Этьен сразу почувствовал, что стало значительно легче и не только руке, но и на душе. «Ранним утром снова в седло – - подумал он, – - оставаться тут, чего-то ждать нельзя».

...За ужином хозяйка много говорила, особенно о своём муже:

— Вы знаете, мой муж, Рыцарь Красного Оленя непобедим. На мечях ему нет равных, а всех, кого он побеждает, отправляет к своей любимой жене, то есть ко мне. И все как один обязаны прославлять мою удивительную красоту. Необыкновенная любовь, верно? На месте дамы сердца — дорогая жена. Разделённая любовь стала причиной воинских подвигов. Заурядный странствующий рыцарь сохнет, как увядший лист, по своей неразделённой любви и, чтобы не помереть от тоски по неблагодарной возлюбленной, заливает рану своего сердца кровью ни в чём не виноватых врагов. А мой рыцарь никого не убивает, он милостив, ради торжества любви.

— Ваш рыцарь побеждает не воинским умением, а какой-то хитростью, — устало сказал Этьен.

— Но он же никому не причиняет вреда, — возразила Эмма, — вы первый кто пострадал. Я так сожалею...

— Господин Ирвин, — обратился Этьен к молчавшему до сих пор хозяину, — разьясните, каким образом вам удалось увернуться от моего удара?

— Я никогда не рассказывал, но вам скажу, — ответил Ирвин, — копия у меня нет не потому, что я его якобы сломал, а потому, что бьюсь только на мечях. Всё дело в шлеме, — вроде на вид невзрачный шишак, но это — Шлем Неуязвимости. Если биться верхом и на копьях, понятно, никто не станет стараться попасть в голову. А на мечях, всё наоборот — голова самая незащищённая, и рубить по ней проще и надёжнее именно мечом, и как бы ни старался противник поразить её, он всегда будет промахиваться. А промахнувшись, как правило, он на какое-то время попадает в очень неудобную позу, и в этот момент я мгновенно, словно куница, разворачиваюсь и наношу достаточно чувствительный удар в спину соперника рукояткой меча. И тот, находящийся в неудобном положении, как приговорённый падает, на землю, ну а я, естественно, остаюсь победителем. Но ваш замах и какая-та немислимая скорость удара — я же просто не успел ничего понять и увидеть — оказались убийственной: будь я без Шлема, я был бы сейчас без головы. Видимо ваша беспредельная мощь и стала причиной вашей травмы: сила, вложенная в удар и повредила вашу руку, должна же она была куда-то деваться.

Этьен не стал напоминать своему собеседнику о рыцарской чести, о правилах ведения поединка, он сразу спросил о главном:

— Вам знаком некий барон Эсхит?

— Барон Эсхит? — Закричал Ирвин Ззог и вскочил, как укушенный, со своего места, — конечно, — сказал он значительно тише и, обойдя вокруг стола, сел возле гостя на свободный стул, — я знаком с Харгривом ещё с тех пор, когда он и бароном-то не назывался. Мы с ним состояли в учениках у знаменитого Клайна Улофса. Слышали про такого?

— Да... кажется, очень не много...

— Клайн Улофс в своё время прославился как непревзойдённый турнирный боец, никого в течение, наверное, 25 лет не находилось равным ему в ратном искусстве. Клайн был сокрушитель в конном поединке на копьях, ловок и точен в схватке на простых и двуручных мечях, а с топорами и палицами он управлялся играючи, словно они ничего не весили. А когда ему грянуло 50 лет, он, отойдя от всех этих турнирных дел, принял на себя обязанности наставника молодых. Я тоже попал к нему в обучение — обычным четырнадцатилетним мальчишкой как, впрочем, все. Но Харгрив, будущий барон Эсхит был взят в ученики двенадцатилетним, за его выдающиеся для такого возраста способности: этот «мальчик» в свои небольшие года выглядел не как отрок, а скорее как почти сформировавшийся юноша. Он сразу же выделился среди прочих, точнее, мы все были «прочими», а Харгрив моментально, в один день стал особенным, не таким как «прочие». Кажется, всего за два года он превратился в сильнейшего бойца, найти достойных, равных по его силе и умению соперников стало невозможно, он без сомнений, как само собой разумеющееся побеждал тех, кто был старше его на 3—4 года. Я

среди семнадцатилетних считался лучшим, и действительно, никто из моих ровесников не мог со мной биться на равных, но для Харгрива, который был на 2,5 года младше меня, я представлял из себя не слишком серьёзного противника. Не скажу, чтобы я считался совсем слабым, нет, в поединке на мечях мне довольно долго удавалось сдерживать его натиск, и пусть в итоге он, хоть и после определённых усилий, неизменно брал, как говорится, верх. Но в конном бою на копьях он вышибал меня, как, впрочем, и остальных из седла так легко, я бы даже сказал, настолько естественно, словно я был деревянный чурбан, а не будущий рыцарь... В общем, мир ждал нового великого воина в лице Харгрива. Кстати, титул барона он унаследовал, ещё будучи подопечным Клайна Улофса – его отец не погиб в бою, а неожиданно умер от какой-то болезни. Но, ни великого, ни даже простого, а точнее, никакого воина из Харгрива барона Эсхита не вышло. Мы, следуя правилам, покидали учителя в 18 лет, и к тому времени, когда Эсхит должен был выйти в мир из-под опеки наставника, я, понятно, давно уже его оставил. И что там произошло, точно не знаю... Да и знает ли кто, кроме самого Харгрива? Словом, едва ему исполнилось восемнадцать, он вместе с учителем и ещё одним его воспитанником должны были прибыть на Королевский Турнир, где они могли бы впервые предстать перед всем светом тогдашнего рыцарства и показать все свои воинские таланты – тогда, помню, очень много появилось сильной и способной молодёжи. Особенно знаменитым буквально от турнира к турниру становился только что посвящённый в рыцарское звание Йэн Тиртич барон Трофонт. Слышали про такого, он и теперь непобедим?

– — Слышал, – - ответил Этьен, усмехнувшись, – - но теперь и он победим.

– — Да?! Ну не важно. А что касается нашего персонажа, то он на турнир не прибыл. Они втроём – - это известно наверняка – - выступили из замка Клайна и, направляясь на турнир, поехали прямой дорогой через горный перевал, но никто из них его не пересёк: единственный, кто вернулся обратно, то есть вернулся туда, откуда зашёл, был молодой Эсхит. Двое других исчезли, и исчезли так, словно они были бесплотными духами, рассеянные лучами утреннего солнца. Что с ними случилось, тайна не раскрытая до сих пор. Хотя, кто об этом сегодня помнит и кому это надо – - помнить, может, только одному Эсхиту? Но он ни тогда, ни тем паче позже, никому ничего не рассказал, да и не мог рассказать: он сразу же, едва вернувшись, быстро, как вор от погони, умчался в свои земли и тихо засел в своём замке, будто пугливая сойка в гнезде, на долгие, вы не поверите, 12 лет. Да на 12 лет мир забыл о таком имени как барон Эсхит, правда, никто толком и не успел узнать, что он вообще есть...

– — Но сейчас о бароне Эсхите наслышаны многие и в весьма отдалённых краях от здешних мест, – - сказал Этьен.

– — Что не случайно. Года два назад объявился при нём некий Кулквид Рыцарь Насмешки – - да вы его, кажется, встречали. Тогда на дороге он как раз проехал с небольшим отрядом мимо того поворота, где мы с вами столкнулись, да, где-то всего за пару минут до вас.

– — А я решил, что это сам барон, – - вяло сказал Этьен, – - какой-то старик у дороги так его восхвалял. Поэтому я и летел, желая нагнать их. Похоже, я недопонял старика...

– — Вы, между прочим, двигались в противоположную сторону от замка Эсхит. Ну, о Кулквиде... Как они узнали друг о друге, если барон никогда не покидал своих владений и никого не принимал у себя, как они познакомились, если Эсхит, словно убогий отшельник, ни с кем не общался, что их свело вместе, непонятно? А кто такой этот Кулквид, откуда он взялся, какого он рода и из какой страны, имеет ли титул и какой, богат или нет, и вообще, человек он или воплощённый призрак, совершенно не ясно. Но его воздействие на барона, видимо, чрезвычайно велико... Проще говоря, благодаря влиянию Рыцаря Насмешки, Эсхит выпростался из небытия. Его первым деянием стало то, что он (или они вместе с Кулквидом) то ли купил, то взял в дар, а может просто отнял силой у старого графа Ключ долгие годы лежавший у того в качестве трофея волшебный, чудодейственный ключ, назначение которого и как его использовать никто, правда, не знает. Потом Эсхит начал сколачивать своё собственное

маленькое войско, этакую небольшую, но довольно злую и боеспособную армию, и когда у него набралось человек 500 бойцов, он отправился завоёвывать новые земли...

— Да, тот старик перечислил всё, что захватил барон, — - устало сказал Этьен, — - странно, всего лишь барон, а имеет свою армию и завоёвывает чужие земли. И что никто не в силах остановить его, где все местные доблестные рыцари, и кто тут король?

— Вопрос непростой и неоднозначный, здесь действуют определённые обстоятельства, не хотелось бы углубляться в них. Но, тем не менее, Эсхит в последнее время попричих, почти год не делает никаких вылазок, набегов, захватов, всё-таки существуют силы, противодействовать которым у него недостаточно возможностей. Но, видимо, он просто затаился, как лев в засаде, и ждёт, пока наступит та минута, когда можно будет выйти на свет и объявить себя самым сильным и главным. А сейчас он занят тем, что увеличивает свою уже и без того разросшуюся армию — - ведь для того, чтобы считаться первым, надо за спиной иметь наиболее многочисленную толпу последователей, соратников и почитателей. Сегодня войско барона Эсхита по количеству воинов приближается к двум тысячам...

И вдруг Этьену как-то мгновенно стало невыносимо скучно, ему захотелось в сию же секунду сесть на коня и мчаться во владения Эсхита. Он, почти в открытую выражая своё нетерпение, спросил Ирвина:

— Вот вы сказали, что я ехал в обратном направлении от замка барона, что, та дорога, если развернуться, выведет прямо туда, куда надо?

— Нет, если скакать, не сворачивая, то вы не попадёте в замок Эсхита: там дальше будет ответвление вправо от основной дороги, по которому вам и необходимо будет ехать, оно и приведёт вас к цели, за пять, а вы, даже и за четыре дня доберётесь. Дорога, обходя лес, уходит сначала на юг, потом поворачивает на восток и, ближе к замку, меняет направление на север — - получается внушительный крюк.

— А более короткого пути нет? — - С досадой спросил Этьен

— Есть. Напрямую сквозь дремучий лес, надо только свернуть у старого дуба с дуплом и двигаться строго на восток, и тогда точно выйдете на замок Эсхит. Там должен быть ещё водопад. Этим путём хватит и дня, чтобы доехать, если, конечно, не заблудитесь и не собьётесь с верного направления. Или на вас не нападут дикие звери и не растерзают вас.

...Ранним утром, когда рассвет обозначился лишь тоненькой светлой полосой на горизонте, Этьен уже сидел в седле и скакал по той самой дороге, что вела к Замку Эсхит...

3 часть.

XXV глава.

Через два дня блужданий по густому, как борода старого людоеда, лесу Отвергнутый Рыцарь упёрся в высокую гору, на вершине которой пугающим сказочным чудовищем темнел огромный кряжистый замок. Его стены, совершенно чёрные на фоне светлого неба, казались продолжением отвесной горной стены, зубцы его великанской башни касались краёв белых облаков, а узкие щели вертикальных бойниц выглядели, словно зрачки притаившегося демона.

Этьен, свернул точно у векового дуба с большим, похожим на разинутую пасть кита, дуплом. Пока он ехал по лесу, старался ориентироваться на солнце, считая, если солнце справа, то он наверняка движется на восток, но, видимо, где-то не так как надо что-то объехал и поэтому сбился с верного направления, замок возвышался перед ним, но войти в него он не мог: вход находился там, где его, Этьена, сейчас не было, то есть с другой стороны. И снова мрачно-чёрное, будто изнанка плаща колдуна, уныние охватило его: такая близкая, осязаемая цель отдаляется, как бесконечно отдаляется видимая линия горизонта, к которой непрерывно приближаешься, но никогда не достигнешь.

За спиной раздался неосторожный хруст сушняка. Этьен повернул голову и заметил двух бедно одетых крестьян – старого и молодого – они тащили на себе по внушительной вязанке хвороста и старались поживее скрыться за толстыми стволами деревьев. Всадник быстро нагнал их и приказал остановиться, они безмолвно повиновались и грузно опустили вязанки на безучастную и холодную землю.

– — Почему вы убегаете, я же рыцарь, а не разбойник? – Спросил Этьен.

– — Мы боялись потревожить покой благородного человека, – ответил старик бесцветным, тоскливым голосом.

– — Где короткая дорога к замку?

– — А здесь одна дорога, – уже бодрее сказал старик, – она и длинная, и короткая. Надо, уйдя вправо, сначала объехать гору. Там, с той стороны, на пологом склоне, сразу перед водопадом появится широкая тропа. Так ежайте по ней, потом по маленькому мосту через ручей. Потом снова по тропе. Она-то и выведет к дороге на замок, если, конечно, ехать по тропе вверх. Ну а дорога заканчивается как раз у ворот замка.

– — И как долго ехать?

– — На хорошей лошади за полдня и доберётесь, – совсем ровным голосом ответил старик и приветливо улыбнулся, – да, там ещё прямо возле дороги растёт молодой сосновый лесок. Сосны в нём пока невысокие и пушистые. Так за ними прячутся дозорные барона, они всё время следят за дорогой. И никого не пускают просто так. Мы, обычные крестьяне давно туда не съёмся. Раньше там охотились, силки ставили, капканы, в дубраве, что за дорогой хворост собирали, грибы. А сейчас боимся близко подойти. Верные слуги господина барона не дают, хорошо если только изобьют, а то и убить могут.

– — За что?

– — А ни за что: не понравится им кто-то его и убивают – неожиданно вступил в разговор молодой крестьянин, – они верные собаки своего хозяина и подчиняются лишь ему одному. И не стоит просить у них пощады: это их только веселит, забава у них такая. А придумал всё Кулквид Рыцарь Насмешки.

– — Все рыцари барона в красивых чёрных доспехах, – добавил старый крестьянин, – а сам господин барон в белых.

– — Нет не в белых, а серебряных, – поправил его молодой, – они сильно начищены и ослепительно сияют на солнце.

– — Наверно, они и в темноте блестят, – сказал старый.

– — Говорят, барон Эсхит так силён, – продолжил молодой, – что в одиночку одолевает 25 противников. И он не выходит на бой, если против него врагов меньше, чем ему требуется. И каждый его воин равен десяти обычным рыцарям. А кнехты барона...

– — У него имеются даже кнехты, как у монарха?

– — Да он держит тысячу кнехтов, – сказал молодой, – и они у него особенные: один пеший кнехт легко бьётся с двумя всадниками.

– — Но пеший не имеет право сходить с конным, – возмутился Этьен – это нарушение рыцарских законов.

– — Наш барон говорит: «Закон здесь я». – Обречённо вздохнул старик.

– — Это не барон говорит, – резко сказал молодой, – это Кулквид за него говорит. А самого барона когда ещё увидишь. А слышать мы его вообще никогда не слышали.

– — Ну да, – согласился старик, – пока Кулквида не было, мы знать то не знали, что есть такой барон.

– — Так кто же там главный, – спросил с насмешкой Этьен, – барон или этот Кулквид?

– — Понятно, барон, – уверенно пробормотал старик, – но без Кулквида барон никто. Кулквид у него всем заправляет. Он и войско ведёт, и командует им, и руководит набегами на другие земли.

— Но самое важное, — произнёс молодой почти шёпотом, — не попасться ему на пути. Не случайно он прозван Рыцарем Насмешки. Он, в отличие от остальных рыцарей Эсхита, просто убивающих своих врагов, никого не лишает жизни. Кулквид любит как-нибудь подшутить над незадачливым противником, превращая того в жертву издевательств и насмешек. Он предпочитает унижить своего врага до такой безобразной степени, чтобы никому не стало его жалко, а только смешно. Сам он редко вступает в бой, лишь натравливает на несчастного жадную свору кнехтов, они-то и творят с ним что хотят. Но всё ради потехи, они никого ещё не замучили до смерти. И многие, что прошли через это, сами потом становятся вассалами барона.

— Я разметаю их, как стаю голодных шакалов, — спокойно сказал Этьен.

— Добрый незнакомец, — усмехнулся заскучивший вдруг старик, — ты не видел вассалов барона Эсхита. Они все великаны. Они ездят на огромных, почти как слоны, конях. Мечи рыцарей барона таковы, что поднять их по силам только пятерым здоровым мужчинам. И то, с превеликим трудом. Помню после страшной битвы с войском семи графов один из воинов Эсхита Фламм прозванный Железным проезжал мимо нашей деревни. Он был весь так сильно изранен...

— Утверждали, что Фламм в одиночку, окружённый со всех сторон неприятелем, справился с тысячей врагов, — вмешался молодой.

— Да... — согласился старик, — так он весь окровавленный не покидал седла. Держался, как истукан, ничто не могло свалить. Но, хоть он и Железный, всё-таки на секунду потерял сознание, и меч, что он, не вкладывая в ножны, держал в руке, у него выскользнул. И наши крестьяне по простоте кинулись поднимать злополучный меч. Вшестером кое-как оторвали его от земли. Но тут очнулся Фламм и увидел, что его оружия коснулись простолюдины, рассвирепев, он бросился давить и топтать поселян копытами своего огромного коня. Двоих убил насмерть, троих покалечил... Добрый рыцарь, ты так молод и красив, зачем тебе ехать к барону? Там смерть и насилие...

XXVI глава.

На другой день уже ближе к ночи он услышал далёкий, как чужое эхо, и ровный до однообразия, будто голос пожилого чтеца, шум. Этьен дал коню шпоры, чтобы двигаться быстрее, но проскакав без остановки два часа, он так и не достиг источника шума, который хоть и нарастал и приближался, но никак не мог выявиться воочию. Скоро сумерки стали такими плотными, что всадник, словно старый привратник, уже почти ничего видел, лишь тщательно размазанные и сильно затёртые силуэты безмолвно крались мимо него. И через минуту вообще всё слилось в единую картину без красок, контуров и фона. А шум, теперь перешедший в равномерный грохот, слышался так близко, что Этьену чудилось, будто совсем рядом невидимая исполинская мельница крутит гигантские жернова, и он, сделав пару последних шагов, окажется затянутым в огромную воронку, в которую через глубокий, как ров перед замком, жёлоб засыпает зерно необычайных размеров мельник-великан. Этьен остановил коня, не понимая, он в здравом уме или бредит, всё происходящее просто явление природы или колдовское наваждение, он очутился в месте, где ничего нет сверхъестественного или он завлечён в ловушку, где должен произойти полный разлад его души, и он забудет, зачем появился здесь, вознесётся он тут или бесславно погибнет?

Взошла запоздалая круглолицая луна, и повсюду рассыпался, словно миллионы крошечных шариков, её неожиданно яркий свет. И Этьен ахнул: стена кромешной тьмы мгновенно рухнула, сменившись стеной живого серебра. То был водопад: мягкое лунное свечение отражалось бесчисленными серебристыми всполохами в живом потоке непрерывно падающей вниз воды. Потрясённый юноша стоял замороженный, ни с чем из людских и природных творений, видимые им прежде, невозможно было сравнить такое чудо, и ему представилось, что он замер

у Зеркала Откровения, в нём, если долго и терпеливо ждать, отразится вся правда человеческая, и все скрытые от понимания символы, мешавшие узнать ту правду, станут вдруг понятными и простыми, и он, узнавший всё, что необходимо, закончит блуждать и останется навеки в той точке, где нет ничего, кроме счастья бесконечного успокоения. И ничего ему уже не надо будет больше: ни житейской мудрости, ни учения о высоком, ни всеобщей славы, ни любви. В прихотливой игре отражённого света он, как ему казалось, почти сумел распознать и выделить отдельные знаки и священные рисунки, и, сам того не осознавая, он начинал каким-то не своим чутьём понимать и разгадывать их. Сама Вечность притаилась за его спиной...

...Этьен почувствовал, что голова странно отяжелела и наполнилась тысячью мелких жучков, тыкающих жёсткими усиками изнанку его черепа, а шея так затекла, что руби её тупым топором, он ничего не ощутил бы. Он приоткрыл глаза: невысокое солнце торчало на блёклом, как поношенный плащ, небе близко к полудню. Этьен очень неудобно, словно на плахе, лежал головой на плоском камне. «Что мне привиделось ночью, – думал он, – сон или действительность, бред от переутомления?»

Долго он не размышлял: взяв по уздцы коня, пешком перешёл по мосту, потом, сев в седло, объехал водопад, на который теперь и не взглянул – дальше виднелся поворот, за которым отвесная скала кончалась, и начинался пологий, как жизнь тихого горожанина, склон, покрытый молодым сосняком. Стоило Этьену повернуть, и шум водопада остался там за поворотом, но ему не показалось странным то, что вот только что из-за невыносимого грохота он не слышал даже собственного дыхания, и вдруг в один момент, словно вселенский кукловод по своей прихоти переменял декорации, навалилась идеальная тишина, Этьен уже успел забыть про то, что осталось за его спиной, теперь то было давно пережитое прошлое, а он двигал вперёд вялотекущее настоящее, чтобы наступило такое желанное будущее.

XXVII глава.

...Конь охотно бежал лёгкой рысцой, стук его копыт был едва слышен в мягкой хвое, Этьен старался излишне не шуметь, чтобы его не обнаружили дозорные барона, а когда из-за дальних сосен раздался громкий и бесцеремонный гогот целого хора неслабых глоток, он остановил коня и сошёл на землю. Достал из ножен меч и, выставив его вперёд, повернулся в сторону подъёма и пошёл вверх по склону, ведя за собой коня. Этьен шагал, осторожно обходя пушистые молодые деревья и прислушиваясь к окружающим звукам: те голоса, что он слышал, отдалялись, оставаясь где-то позади. «Наверное, там, у дозора место засады, – размышлял он, – не бродят же они толпами по лесу, им главное дорогу держать, чтобы никто не прошёл незамеченным. А сзади, со стороны водопада, они никого не ждут. Я не стану их тревожить, пусть продолжают нести службу. Если встречу с ними, то придётся вступить в бой, но мне сейчас не надо лишнего кровопролития. Если я убью и покалечу сколько-то людей барона, то, как он ко мне отнесётся. Может и говорить со мной не захочет, а прикажет просто убить, как врага? Не враг он мне сейчас, да и никогда Эсхит не должен быть моим врагом...»

Лес стал ссужаться, сосенки редели и мельчали и, наконец, совсем кончились – Этьен вышел на дорогу. Он снова запрыгнул в седло и, уже не опасаясь громкого стука копыт, поскакал живее. Но проехав совсем немного, остановился на краю дороги, заканчивавшейся у глубокого и широкого рва с мутной, как мысли распутника, водой, на другой стороне рва чернел, словно открытая пасть зевающего дракона, своей нижней частью подъёмный мост. Который тут же, как только приблизился к нему Этьен, начал медленно опускаться, будто в замке знали, что прибыл странствующий рыцарь и его необходимо впустить. Но когда мост окончательно стал на своё место, по нему навстречу Этьену, опустив копьё в боевое положение, ринулся тот самый рыцарь в чёрных доспехах с улыбающимися губами на гербе. Он восседал на могучем коне с чудовищно толстыми, как каменные колонны, ногами и крутой грудью, напоминавшей мраморный валун.

— — Кулквид Рыцарь Насмешки, — - радостно сказал Этьен, — - что ж, держись.

И он, одним движением вынув копьё из подставки, направил его на соперника, пустив коня в резкий галоп. Но когда до врага оставалось всего три конских прыжка, раздался глухой удивительно добродушный голос, из-за решётки забрала:

— — Стой, — - крикнул Рыцарь Насмешки, — - безрассудный! Нельзя так сразу. Назови своё имя, незнакомец!

— — Этьен Планси, Отвергнутый Рыцарь.

— — А я Кулквид Бродяга, ещё меня называют Рыцарь Насмешки. Но вы, юноша, как я вижу не любите шутить, для вас всё всерьёз: как вы прямо с ходу, без заминки, не тушуясь и не сомневаясь с каким-то зверским рвением бросились в бой с незнакомым противником, который, может быть, в пять раз сильнее вас.

— — Так чего же вы остановились, — - запальчиво сказал Этьен, — - давайте проверим в деле, кто сильнее.

— — Да и так видно, вы очень сильны духом, — - весело сказал Кулквид и поднял забрало, показав своё молодое, открытое, улыбающееся, немного простоватое лицо, (кого-то оно напомнило Этьену, но кого, он не желал сейчас разбираться), — - я поражён и обескуражен вашей удивительной смелостью, причём её не назовёшь отчаянной, она осознанная, это даже не смелость, как принято её считать, а уверенность — - уверенность, основанная на каком-то природном, я бы сказал, животном начале. Так леопард или тигр кидаются на жертву, потому что это естественно для них, так же естественно и вы пошли вперёд на врага. С таким явлением я встречаюсь впервые, как правило, все, кто сталкивается со мной, убегают, словно молодые кролики. Хотя некоторые, если честно, никуда не бегут, но они застывают, как замороженные, на месте от дикого страха, парализующего их. Какая потеха потом глядеть на их глупые, идиотские образины. Отвергнутый Рыцарь, станем друзьями. Но что вас привело к барону Эсхиту, по вам вижу, что вы не на службу к нему прибыли напрашиваться, вы не тот, кто служит, скорее, вы тот, кому многие захотят служить?

— — У барона есть то, что я хочу заполучить, без чего моя жизнь бессмысленна. А имею возможность дать барону то, жаждет получить он.

— — Я отлично осведомлён о том, о чём мечтает наш барон, — - задумчиво сказал Кулквид, — - он грезит о химере, мыльном пузыре, о том, чего нет и быть не может. Сказочка, легенда, предание вот на чём зиждиться его мечта. Никакая сила не даст ему это, потому что этого нет.

— — Сила не даст. Даст знание. — - Ответил Этьен. — - Я знаю. Знаю всё, что необходимо, чтобы дать.

— — Превосходно, рыцарь, вы мне нравитесь всё больше, — - то ли с иронией, то вполне серьёзно сказал Рыцарь Насмешки, — - такой страстной убеждённости в своих словах я никогда и ни от кого не слышал, даже от самого себя. Я проведу вас к господину барону. А вдруг вы действительно — - не знаю как — - хитрым ли колдовством, таинственным ли волшебством, воинской ли доблестью, учёными ли знаниями сумеете добыть то, о чём мечтает, словно мальчишка, наш драгоценный барон. Это сделает его могущество беспредельным. Конечно, вы свершите просто гениальный подвиг, вы, несомненно, прославитесь, но это будет выгодно и нам, ну в смысле, барону. А овладев чудесным оружием, мы вплотную подойдём к телу этой капризной и переменчивой женщине — - власти, мы нежно обнимем её, но смертельно крепко сожмём в своих объятиях, дабы никогда уже не выпустить: мы же любим её, наша любовь должна быть взаимной. Власть, как известно, любят все, только мало кому она отдаётся, она необыкновенно привередлива и крайне непостоянна, завоевать её мало, надо суметь удержать её в руках, чуть отпустил, и она уже у другого. Необходимо быть с ней всегда, наслаждаясь её прелестями непрерывно, каждую секунду, каждый миг, и для этого у нас должен иметься такой вещественный довод, который никому, кроме нас не даст приблизиться к вожделенному

предмету. Власть желанна потому, что ею невозможно пресытиться, она не может надоесть, её всегда мало, хочется больше и больше. Власть над отдельным человеком, когда превращаешь его в кучу кошачьего дерьма, в ошметок вонючей мерзости, в сгусток выблеванной слизи, а он тебя благодарит о снисхождении и молит о продолжении, упоительна и сладостна. Убить человека легко, интереснее убить человека в человеке. А власть над группой людей, над целым народом, над всей массой человечества? Чем многочисленней толпа, тем слаще и осязаемей чувство власти, тем безграничней погружение в него. Нет ничего выше власти, ничто по её воздействию на сознание и ощущения человека не может с ней сравниться...

— — Может! — - Перебил его Этьен, — - любовь.

Рыцарь Насмешки в ответ так громоподобно захохотал, что конь Этьена шархнулся в сторону и присел.

— — Любовь, — - заорал Кулквид во всю глотку, — - минута, мгновение, ничто. Власть — - жизнь, вся жизнь, вечность!

XXVIII глава.

Проехав по мосту, они остановились перед закрытыми воротами замка, Кулквид приказал выскочившей обслуге открыть их. Массивные створки разошлись легко, с едва слышимым шорохом, похожий на то, как если бы 10 тысяч мышей одновременно пошебуршили бы лапками. Этьен, не будь он так сосредоточен на своём, поразился бы необычайной толщине исполтинских створок — - она была соизмерима с длиной всадника верхом на коне: который, встав с распахнутыми створками вровень, наверное, полностью слился бы с ними, может, только хвост коня выходил бы за край, в целом мире, наверное, нет тарана, который бы смог пробить эти ворота, разве что армия великанов, если бы она существовала, попыталась бы что-то сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.